

К вопросу о преподавании Исторической Географии России в Русской Высшей Школе.

Я подхожу к рассмотрению вопроса о преподавании Исторической Географии России в Русской Высшей Школе только с точки зрения потребностей правильно поставленного преподавания Русской Истории. Это правильно поставленное преподавание русской истории я разумею, конечно, по-разному: 1. для разных типов Высшей Школы, имеющих историю и в частности русскую историю одним из предметов своего преподавания, и 2. для разных групп учащихся в соответствии с их специальностью. Но в основе этого правильно поставленного преподавания русской истории должны, как мне представляется, лежать 2 задачи: 1. раскрыть учащимся органичность русского исторического процесса и через то способствовать более глубокому и полному усвоению ими идеи органичности исторического процесса человечества и каждой его ветви и 2. показать и привить учащимся основные приемы методологии истории.

Преподавание Исторической Географии России, как и исторической географии вообще, дает возможность полнее осуществить эти две задачи. И думается, что не только студент-специалист по русской истории сможет на лекциях и занятиях по ней углубить понимание органичности исторического процесса и яснее усвоить себе основные приемы методологии истории,—думается, что на лекциях и занятиях по исторической географии России тоже самое сможет пережить и студент-историк, не специалист по истории России, и студент-не-историк в обычном смысле этого слова, а словесник или лингвист и т. д.—иное дело: поскольку эти углубленные переживания ему действительно нужны по программе его отделения или группы. Однако, здесь слово решения и даже слово совета принадлежат не мне: специалист по истории и именно русской истории, преподаватель именно русской исторической географии, я здесь не могу решать и не попытаюсь советовать. В дальнейшем я везде буду говорить о преподавании только русской исторической географии и ее слушателями разумею только студентов-специалистов по русской истории.

Однако, прежде подробных речей о том, как надо наладить преподавание моего предмета в Русской Высшей Школе, нам надо условиться о том, что собственно следует под ним понимать или к чему собственно сводится его содержание, прикрытое от нас его, быть

может, не очень ясным наименованием. Итак, обратимся к этим предварительного значения замечаниям.

В литературе последних десятилетий по русской исторической географии этот предмет в сущности не понимается различно. В этом легко убедиться хотя бы по сводке ученых мнений, которую дал в своем посмертном курсе читавший с заслуженным успехом историческую географию России в Петрограде проф. С. М. Середонин. В самом деле мысли, высказанные когда-то на основе „знаменитого Риттера“ Л. Н. Майковым в его замечательной статье „по поводу“ одной из основных книг по русской исторической географии — книги Н. П. Барсова „Очерки исторической географии. География начальной летописи (Варшава, 1873)“, в августовской книжке „Ж. М. Н. П.“ за 1874 г. (тогда же напечатано и отдельно) под непритязательным заглавием „Заметки по географии древней Руси“, о том, что историческая география вообще и в России в частности должна включать в свой состав учения о климате, флоре, фауне и почве и „ставить историко-географические исследования в связь с требованиями и задачами общего земледоведения“, приобрели себе, сколько судить могу, всеобщее признание среди лиц, надлежаще сведущих в вопросах исторической географии России, как мысли об очередных заданиях этой ветви науки русской истории. Так мыслил задачи исторической географии России покойный С. М. Середонин, определяя в своем вышеназванном курсе лекций по ней ее предмет, как „изучение взаимных отношений природы и человека в прошедшем“, а „вопросы, на которые должна бы ответить историческая география“, сводя к 2 основным: „как изменил человек природу, с одной стороны, как повлияла она на физическую и духовную организацию, с другой стороны“. Конечно, и изучение указанных С. М. Середониным „взаимных отношений“ и ответы на его 2 основных вопроса предполагают в исследователе знания природы в ее прошлом — т. е. прежде всего знания климата, флоры, фауны и почв прошлого в разные его моменты. Оговариваясь, что историческая география России при современном уровне и постановке знаний не может удовлетворить предъявляемым к ней требованиям во всей „полноте“, С. М. Середонин все-же определял одну из сторон ее работы такими словами: „изучает климатические и географические условия, в которых жил русский народ“. Преподаватель и ученый очень осторожный, С. М. Середонин, как из этой его оговорки явствует, не хотел оказаться перед слушателем или читателем неоплатным должником. Та же вдумчивая и точная осторожность в другом курсе — книжке виднейшего русского археолога А. А. Спицына под наименованием „Русская Историческая География. Учебный курс. Петр. 1917“. Автор говорит: „Историческая География в тесном смысле есть отдел истории, занимающийся изучением топографической стороны событий и явлений (определение границ государства и его областей, населенных мест, путей сообщения и пр.). В более широком значении она составляет отдел истории, имеющий целью изучение территории страны и ее населения — т. е. физико-географического характера страны и жизни ее обитателей, иначе говоря установление ее исторического пейзажа. В этом виде историческая география созидает широкий исторический фон, крайне важный для уяснения хода совершавшихся событий и развития исторических явлений“. В этих словах авторитетного ученого звучит то же, что у С. М. Середонина, признание правильности предъявленных к исторической географии России Л. Н. Майковым требований. Сейчас же ниже этого А. А. Спицин говорит

необходимости специализации по исторической географии—и в чисте тех наук, с которыми историк-специалист по исторической географии должен быть в надлежащих размерах ознакомлен, отмечает прежде других естественные науки. Третий авторитетный ученый, преподающий историческую географию России, М. К. Любавский в своем литографированном курсе по ней, читанном в Московском Университете в 1908 г., также принимает точку зрения Л. Н. Майкова и говорит, со ссылкой на его определение исторической географии, что „выяснение влияния внешней природы на человека является преимущественной задачей исторической географии. Современный человек значительно уже эмансипировался от прямого влияния внешней природы. . . В прошлом же . . . прямое влияние окружающей природы выступает с большою силою и очевидностью“. М. К. Любавский, согласно точке зрения Л. Н. Майкова, и включил в состав своего курса обзор природных условий для некоторых моментов нашего исторического прошлого. Так мысли Л. Н. Майкова имеют в наши дни признание в среде лиц, изучающих и преподающих историческую географию России. К сожалению, однако, общее признание мыслей Л. Н. Майкова почти не привело к их проведению в жизнь. Причину этого правильно указал тот же покойный С. М. Середонин: „Безусловно, что все указанное в принципе должно быть включено в историческую географию, но исполнить эти требования могли бы лица, обладающие как гуманитарным образованием, так и естественно-научным и притом в равной степени; в действительности этого условия пока не наблюдалось“. Далее, как пример попытки „удовлетворить требованиям, поставленным Л. Н. Майковым“—и попытки неудачной по приведенным только что обстоятельствам—С. М. Сердонин приводит известную книгу Е. Е. Замысловского „Герберштейн и его историко-географические известия“. Кстати: что эта книга Е. Е. Замысловского действительно выросла такой, какою мы ее имеем, из desiderata Л. Н. Майкова, явствует между прочим и из того, что в своем академическом отзыве о книге Н. П. Барсова, „по поводу“ которой и посвятились майковские „Заметки“, Е. Е. Замысловский ни одним словом не обмолвился о возможности или тем паче необходимости для Н. П. Барсова поставить свою тему так, как он сам позже поставил своего „Герберштейна“ и как в то время, как он писал свой отзыв ставил тему Н. П. Барсова Л. Н. Майков.

Действительно, изучение исторической географии так, как его в свое время намечал Л. Н. Майков и как его ныне принимают наиболее авторитетные работники в области русской исторической географии, встречает очень сильное препятствие в недостаточной подготовленности или порою в полной неподготовленности исследователей. Затем, неудачный пример Е. Е. Замысловского, положившего так много труда на попытку удовлетворительно разрешить поставленную Л. Н. Майковым задачу, естественным образом не может не разочлаживать исследователя в самой постановке темы в духе Л. Н. Майкова, как бы ясно он ни сознавал необходимость именно такой постановки. А между тем вне такой постановки историко-географических исследований работы в области исторической географии останавливаются на полпути. В самом деле, если даже ставить только общие и даже „очень общие“ вопросы, основные, однако, для самой исторической географии, исследователь не сможет обойтись без целого ряда сведений, которых ему, историку, не достает. Нельзя, напр., конечно, говорить о влиянии, которое оказала „природа“ стра-

ны на жизнь человеческих обществ в ней или, наоборот, они на жизнь ее природы, когда самое слово „природа“ оказывается для исследователя лишенным ясного и точного содержания. Однако, историк, занимающийся сюжетами исторической географии, не легко ориентируется в далеких от привычных, собственно исторических, тем и источников вопросах о „природе“ Вот отчего его попытки разобраться в этом большом вопросе почти обречены на неудачу. Или, обращаясь к частностям, как историку, работающему в области исторической географии, говорить о промышленной жизни населения какой либо страны, когда он бессилен ясно и точно представить себе условия природы, в которых это население живет и которые его промышленную жизнь направляют? или даже определять границы всяких естественных, административных и этнографических, когда природные местности, по которой они проходят и которая сама своим характером их намечает, исследователю ясно и точно неизвестна? или при таких же условиях „пролагать“ пути сообщения? Обобщая сказанное подчеркну, что пока исследователь не выявит во всей ясности и точности того содержания, которое он вкладывает в слова „природа“, „природные условия“, „естественные условия“, „физико-географические условия“ и подобные им, он не сможет ответить ни на общие, ни на частные вопросы, которые историческая география ему ставит и что при всем том историк почти постоянно оказывается бессильным дать себе выявление этих понятий. К тому, что сейчас говорил, добавлю только, что выяснение природных условий должно быть проведено в отдельности для каждого исторического момента (сознаю неточность этого выражения), что должно быть выяснено самое изменение в условиях природы, ибо, как нельзя данные 20 в или даже 19 привлекать для восстановления исторического пейзажа древней Руси, так нельзя данные одной эпохи т. наз. древней Руси привлекать для использования при изучении другой, — напр., данные 15 в. при изучении сведений 9 в., иначе, как в значении исключительно вспомогательного материала. Между тем такое использование знаний об условиях природы более позднего времени для воссоздания их времени предшествующего или более раннего, к сожалению, в историко-географической литературе встречается с гораздо большим значением.

Так определяется одна из задач исторической географии: изучение природы в различные моменты прошлого. Изучение природы в прошлом предполагает изучение в прошлом или изучение историческим ближайшим образом флоры, фауны, почв, климата, лика земли с занесением на карту всех результатов изучений в этой области, так чтобы 1) территория изучаемых народа или государства была разбита на физико-географические области, в соответствии с характером природных условий в ней, и чтобы 2) на карте в точности указаны были все частности „природы“ данной местности, благодаря чему историку и историку-географу станет в подробностях ясна обстановка жизни и деятельности человека. Здесь для историка-географа в частности важно точное изображение на карте многих т. наз. урочищ, т. е. в данном случае частей местности, как лика земли получивших прозвание: сюда подойдут и озера и реки, и ручей, и болото, и лес, и роща, и поляна в ней, и гора, и пещера, и спуск с возвышенности в низину и многое другое. Но историческая география имеет и другие свои задачи, коснуться которых полутно мне уже пришлось. Возвращаясь к ним, чтобы подробнее на них остановиться.

Прекрасное определение задач исторической географии, данное А. А. Спицыным, — что задача ее восстановления исторического пейзажа для той или иной эпохи или тех или иных событий — имеет глубокий смысл. Конечно, в этом восстановлении изучение и восстановление природы занимает очень видное место, но не к нему одному сводится это восстановление исторического пейзажа. Уже самое восстановление природы требует точного определения той территории, для которой это восстановление производится. Но, конечно, и помимо того изучение каких бы то ни было событий или явлений в жизни государства или народа предполагает точное знание территории, на которой эти события или явления происходили. Однако, определение территории не сводится к одному восстановлению ее внешних границ, — оно предполагает и восстановление ее так сказать внутренних границ, т. е. выяснение тех ее частей, на которых в пределах ее внешних границ не протекала жизнь данного государства или народа по каким бы то ни было причинам, — напр., по их непригодности или малопригодности под заселение или по их недоступности для него: напр., болотистая местность или местность, занятая иным политическим или этнографическим образованием. Такие местности, если только их определение возможно, должны быть выключены из территории изучаемых государства или народа. Только тогда эта территория будет полностью восстановлена и только тогда и для историка и для историка-географа получится возможность спокойно оперировать понятием той или иной территории с точным знанием того, что она представляла собою, и без боязни, что в основе изучений лежит тяжелая определяющая работу ошибка. Путем такого обследования древне-русской территории наверное получится вместо громадной сплошной территории для Руси даже конца 10 века чрезвычайно своеобразная, как бы нарочно под узорный ковер нарисованная, территория. И в сущности говоря, только тогда, когда будут в точности установлены узоры ковра русской территории конца 10 в., станет понятно, в каких условиях государственного властвования совершались великие события конца 10 и начала 11 вв. Только тогда вырисуется перед нами в четких очертаниях держава Владимира Святого и станут нам понятны те процессы, которые, складываясь и протекая внутри ее, готовили ей разложение. Точно также нам чрезвычайно важно определить, где в пределах этой освоенной киевскою властью территории расселились русские и где жили другие этнографические образования, захваченные русскою властью, ибо соотношение этих этнографических территорий внутри государственной опять таки должно нам объяснить многое в исторических судьбах киевского государства конца 10 — начала 11 вв. Столь же важно восстановление соответственных этнографических территорий за пределами данной государственной. Оно существенным образом помогает выяснению условий внешней и внутренней политики данной правительственной власти, мероприятия и итоги которой нередко носят географический смысл. Т. о., точное выяснение внешних и, т. ск., внутренних границ территории изучаемых государства или народа есть крупная задача исторической географии — такая, на правильном разрешении которой покоится возможность разрешения многих других задач. — кроме того, о чем была речь выше, упомяну вопросы хозяйственной истории, исторической этнографии, истории колонизации и т. д., неразрешимые вне ее разрешения.

Определение территории изучаемых государства или народа ведет к определению ее частей. Естественным образом прежде всего возникает вопрос о тех физико-географических областях, на которые распадается изучаемая территория. Выяснение этих областей в значительнейшей мере способствует и определению частей, на которые данная территория распадается с иных точек зрения: хозяйственной, административно-политической (и церковно-административной), этнографической (о чем отчасти выше уже упомянуто) и т. д. До известной степени, но во всяком случае в степени значительной, „физико-географическое“ деление территории даже обуславливает собою эти ее деления. Это определение частей территории с разных точек зрения ведет к установлению новых сеток внутренних границ. Эти новые сетки внутренних границ лягут на сетку тех внутренних границ, о которых шла выше речь, может быть, скрещиваясь с нею и между собой. В этом скрещении сеток границ важно, чтобы они были проведены совершенно точно и с соблюдением всех частных особенностей каждой сетки,—так, чтобы совпадение 2 или более сеток или отдельных их линий в большей или значительной части не вело к насильственному их слиянию в тех частях, где между ними есть различие. Самое определение границ есть дело глубоко различное в зависимости от того, границы каких частей мы определяем. Части, на которые распадается территория с точки зрения административно-политической,—в значительной мере продукт сознательной человеческой деятельности; таковы—тоже в значительной мере—и границы их; поэтому они почти всегда более или менее определены и через то определимы. Иное дело—части территории и границы их с точки зрения изучений физико-географических, хозяйственного быта, этнографических и др.: здесь деление на части и установление их границ не дело, как там, при изучениях с точки зрения административно-политической, сознательной воли людей в смысле сознательно действующего государственного организма. Здесь деление на части и установление границ—продукт жизни самой природы или людей, не объединенных в сознательно действующий государственный организм или действующих независимо от такого объединения. Поэтому границы этих частей не носят в себе той четкости, которую имеют первые. Так, физико-географические области не переходят сразу одна в другую; этот переход с обеих сторон постепенен и создает некоторую промежуточную полосу, отличную от обеих областей, полосу перехода, лишенную единообразия в своем содержании и полную пестроты; поэтому ее обособление—условно; поэтому и говорить о границах меж физико-географическими частями территории приходится в ином смысле, чем о границах меж частями, на которые делится территория с точки зрения изучений ее политико-административного прошлого. Точно тоже и с областями хозяйственного быта и границами меж них; тоже и при этнографических изучениях—также нет четкой линии-границы, также есть постепенный переход. Может быть, правильнее, на основании вышеизложенного и не говорить здесь об определении границ, направляя все усилия на установление переходов? и вместе с тем и вообще то говорить не о смежных, а о совпадающих своими краями частях территории или областях, поскольку о них заходит речь при изучениях физико-географических, хозяйственного быта, этнографических? Меж тем, при изучениях прошлого с точки зрения политико-административной мы с полным правом говорим об областях или частях территории и границах между ними с этой именно точки зре-

ния, разумея четко отграниченные части территории и четко проведенные границы. К этому, однако, надо все-же сделать некоторые оговорки. Первая сводится к тому, что, как это ни может показаться странным на первый взгляд, в древней Руси, в противоположность тому, о чем я только что говорил, довольно часто четкая граница не целиком охватывала политическое тело или часть его политико-административного деления, расширяясь порою в местность, находящуюся в смежном владении двух сторон. Общеизвестно положение Великих Лук, Ржева и других мест того-же района, с которых дань шла и Великому Новгороду и в скарб Литовско-русского господаря. Другая Ржева, Смоленско-Тверская, бывала в смесном владении Твери и Москвы, Твери и Литовского великого князя. Также известно и то, что население Кольского уезда одновременно платило в начале 17 в. дань и Москве и Датскому королю, владевшему Норвегией. Волок, Бежецкий Верх и Вологда в 15 в. находятся в смесном владении Великого Новгорода и Москвы. Как это, „смесное“ владение глубоко шло, видно на практике другого „политического“ организма старой русской жизни: русской Церкви,—напр. в 1625 г. еще держатся смесные владения патриарха всея Руси с Новгородским митрополитом. Вторая оговорка—ведет тоже к расширению пограничной линии в территорию: когда граница проходит местами незаселенными и неосвоенными ни политически, ни хозяйственно. Такое явление тоже обычно в древней Руси. Здесь *res nullius* разделяет две государственные единицы. Третья оговорка касается тех случаев, когда территория не представляет собою единого сплошного пространства,—либо в том смысле, что внутри ее есть иная государственная территория, либо в том, что территория данного государственного организма не ограничивается этою терририею. И то и другое встречалось в древней Руси, проникая даже в область церковной географии.

В представлении историка-географа территория изучаемых им государства или народа мыслится наполненной населением в степени большей или меньшей его густоты. Эта степень наполненности территории населением и его в ней размещение, как об этом отчасти выше уже было сказано, должны быть историком-географом изучены. В этих своих изучениях историк-географ придет к определению населенных пунктов территории. Можно сказать, что в работах историка-географа это определение населенных пунктов имеет первенствующее, направляющее ход работы значение. Рядом с ним стоит работа такого-же рода, но лишь над другим материалом, которой я выше тоже отчасти уже касался: работа по определению урочищ. Я указывал, что историк-географ должен проделать большую работу по изучению поверхности земли с точки зрения определения тех ее пунктов, как ее частей, которые получили от населения какие либо прозвания,—т. е. урочищ. Но слово „урочище“ употребляется и в ином смысле, который также должен быть учтен историком-географом. Дело в том, что наши источники часто говорят нам не только о местах, населенных в их время или во время событий, о которых они рассказывают, но и во времена до них, сохранившихся в запустении или развалинах. Они также называются урочищами и их определение тоже входит в задачи историка-географа. Его работы по определению тех и других населенных пунктов и урочищ обоих родов—имеют, повторяю, чрезвычайно важное значение в круге всех его работ. Только опираясь на них, он сможет изучать и территорию народа или государства и ее границы и размещение в пределах тер-

ритории населения и пути сообщения всех разновидностей и определять хозяйственное, политическое и военное значение местности. В этом смысле важно установить характер и значение данного населенного пункта, а иногда и урочища, — установить, напр., его значение, как промышленного или торгового центра или как стратегического пункта и по связи с этим рассмотреть его значение для окружающей местности и ее вместе с ним в составе всей территории.

Выяснение населенных пунктов и определение их характера и значения с некоторых указанных точек зрения влечет за собою вопрос о путях сообщения, разрешение которого целиком построено на разысканиях в области определения населенных пунктов и урочищ и совершенно невозможно вне их. Определение путей сообщения и учет при этом характера местностей, из которых, в которые и через которые пути сообщения следуют, а также и характера передвижения — в смысле его суб'ектов и об'ектов приводит к установлению значения данного пути, как торгового, военного, административного, колонизационного и т. д. Это установление значения путей сообщения открывает новые возможности к определению взаимоотношений и соотносительного значения частей данной территории. Вопросы о путях сообщения вместе с тем, как и вопросы о государственной или этнографической границе, ставят на очередь вопрос о связях данной территории с соседними и ее населения с их населением. Отсюда возникает вопрос о данной территории, как части некоторой большей — прежде всего в физико-географическом смысле, затем в смысле торгово-промышленном, военном, политическом, общекультурном, при чем эти определения второго, т. е., ряда основываются в значительной мере на материале путей сообщения. Т. о., данная территория и ее деления подвергаются изучению с точки зрения их отношения к соседним территориям. Изучение же данной территории и ее деления в их отношении к соседним территориям выдвигает на очередь вопрос о тех увеличениях и сокращениях, которые по временам испытывает государственная или этнографическая территория, или же та или иная ее часть. Только учет физико-географического, промышленно-торгового, военного, политического, этнографического, общекультурного значения той части территории, на которую она увеличилась или сократилась, поможет выяснить нам выгоды ее приобретения, иногда сомнительные, или тяжесть ее утраты, тоже иногда сомнительную, — при чем это выяснение можно считать полным лишь в том случае, когда ясно учтено то политическое или этнографическое тело, от которого к другому отошла или к которому от другого присоединилась эта часть (с учетом, конечно, всей международной — чем ближе к нашему времени, тем все более мировой — обстановки). Т. о., перел историком-географом встает вопрос об изучении с разных точек зрения соседей населения той территории, историческая судьба и исторический пейзаж которой он изучает, и их территорий. Следует при этом отметить, что разыскание в этой области и особенно в области путей сообщения иногда далеко уводит исследователя в круг основных вопросов исторической географии за пределы территории или народа, им непосредственно изучаемых: порою ему приходится касаться не только их соседей, но и соседей их соседей и даже идти далее по тому пути, за изучение которого ему ходом вещей приходится браться. Так, занятия в области исторической географии данной территории или данного народа легко и с неизбежностью ведут историко-географа в широкий круг разысканий в...

их пределов на поле общеисторических исследований. В круге таких разысканий только и может им быть дан ответ на целый ряд вопросов.—напр., о сложении какой-либо государственной территории или территории этнографической. Изучение сложения государственной территории России, не сразу сложившейся и доселе несложившейся вполне, не мыслимо без таких разысканий. Только путем их может быть вполне понято, почему, напр., части территории русского государства со сплошь нерусским населением и далекие от ее хозяйственного и политического ядра вошли в его состав—напр. Приамурье или Закавказье,—в то время, как некоторые части территории, заселенной русским народом, несмотря на свою близость к этому ядру, в состав русской государственной территории не вошли—напр., Галиция, прикарпатские места. Т. о., сложение государственной территории должно быть изучено на широком общеисторическом фоне.

Так мне в самых общих чертах представляется содержание исторической географии вообще и в частности и особенно России. Этот перечень я восполнил бы лишь указанием на необходимость изучения источников исторической географии, как ветви исторической науки. Эти источники у нея общие с источниками исторической науки вообще,—но сверх них она имеет один совершенно специфический источник. Дело в том, что при попытках ученого воссоздания самой природы прошлого нельзя довольствоваться одними источниками собственно историческими,—т. е. остатками той или иной человеческой деятельности. Историк-географ в этом случае должен оперировать и с данными естествознания в собственном смысле,—т. е. с остатками былого состояния самой природы и ее современным состоянием. Это и есть совершенно специфический источник в работах историка-географа по научному воссозданию прошлого природы. Конечно, здесь приемы изучения своего источника у него совершенно иные чем в области собственно исторических источников. Таково содержание исторической географии, как ветви исторической науки. Я бы затруднился дать ей, как таковой, точное определение. Как это явствует из изложенного выше сего, она касается многих сторон прошлого и природы и общественного быта, но интересуется ими исключительно, так сказать, с точки зрения понимания их, как внешней обстановки и условий, в которых протекала человеческая (государства, народа или какой либо их части) жизнь. Таким образом, она занимается изучением этих условий и выясняет их происхождение.

Это ставит вопрос о специалистах по исторической географии в том объеме ее содержания, который выше намечен. И следует прямо сказать, что таких специалистов по ней—по крайней мере в России,—сколько, впрочем, я знаю,—нет или почти нет. Конечно, с первого взгляда видно, что содержание и задачи исторической географии распадаются на 2 особых больших отдела: один—познание природы в ее прошлом, как части исторического пейзажа, и другой—познание, так сказать, историко-культурной части этого пейзажа, а каждый из этих 2 больших отделов распадается в свою очередь на ряд отделов меньшего объема: так, познание природы в прошлом может идти с точки зрения ботаника, зоолога, почвоведов, климатолога и даже с более узкими делениями внутри каждой группы такого более специального изучения, точно также и познание историко-культурной части исторического пейзажа может быть дробимо на более узкие изучения—напр., историко-этнографические, историко-экономические, историко-географические в специальном смысле и т. д. с еще более

узкими разысканиями внутри каждой группы изучения. Из этих двух больших отделов второй—историко-культурной, так сказать, части исторического пейзажа—изучен гораздо полнее и глубже, чем первый—прошлого природы. Историки-географы, т. е. историки по своему образованию, как бы силен у них ни был интерес к этой области изучения исторического пейзажа, всегда до сей поры оказывались по указанной выше причине бессильными в разрешении вопросов этого отдела. А представители естественно-научного знания, охотно отдававшие свои силы изучению прошлого природы геологических эпох, теряли часто интерес к этому сюжету, когда восходили до времен исторических; так за редкими исключениями было то последнего времени, когда, наконец, стали появляться весьма значительные труды и в этой области. Историки и историки-географы, изучающие историко-культурные, так сказать, части исторического пейзажа, не могут не приветствовать такого поворота в постановке изучения ряда естественно-научных проблем: он должен прояснить для них многие, ныне недоступные их ведению, стороны прошлого.

Итак, специалисты по второму отделу исторической географии уже есть, медленно создаются кадры—правда, пока очень узких специалистов и по первому отделу. Мне кажется, однако, что дело и подготовки должно быть объединено в одном достаточно широком и в тоже время достаточно гибком плане. Я бы сказал даже, что эта подготовка должна быть просто создана—и именно так объединенной в достаточно широком и гибком плане. Исходная точка зрения для меня: тесная связанность меж собою обоих отделов исторической географии, взятых сами по себе. Думается, того, что выше сего было сказано, уже достаточно, чтобы установить важность первого отдела, познания природы в ее прошлом, при занятиях в области второго, историко-культурной, так сказать, части исторического пейзажа. Но и тот историк-географ, который работает по преимуществу над вопросами воссоздания прошлого нашей природы, не может считать себя вне изучений второго отдела—воссоздания историко-культурной части исторического пейзажа. При определении, напр., местоположения реки, болота или леса он часто будет вынужден руководствоваться данными о местоположении населенных пунктов, на или в них или недалеко от них расположенных. А затем при самом восстановлении прошлого нашей природы у историка-географа быстро скажется недостаточность материала, если он ограничится одними остатками ее прежнего состояния и данными ее современности. Положим, что ему надлежит выяснить флору, фауну, климат, почву Московского государства 15—16 вв. Конечно, он очень быстро признает невозможным исполнить это задание, если ограничится одними остатками прежнего состояния природы и ее современными данными. Достаточно просмотреть соответственные отделы в старой (но не стареющей) книге Е. Е. Замысловского о Герберштейне или в более новой Н. Рожкова о сельском хозяйстве в Московской Руси 16 в., чтобы в этом убедиться. Указания, которых могу ожидать, на то, что иного от этих авторов, как историков, и ждать не приходится, отведу ссылкой на очень специальные исследования естествоиспытателей, где они, касаясь прошлого природы, опираются не на одинокую поставляемый материал. Историк-географ, изучающий прошлое нашей природы, как это и из приведенных примеров явствует, для того, чтобы решить свою задачу, будет неминуемо вынужден обра-

тяться к собственно историческим источникам, т. е. к плодам человеческой деятельности.

Эти источники многообразны. Обращаясь в среде их к, выражаясь условно, „остаткам культуры“, он найдет здесь всего прежде богатый „актовый“ материал. Под это понятие актового материала подвожу, согласно установившемуся в России обычаю, все, что было составлено, как закон или документ с официальным значением, и также все, что по определенной форме составлено частным лицом, как документ с обязывающим его содержанием. Действительно, в актовом материале историк-географ, интересующийся вопросами научного воссоздания прошлого нашей природы, встретит многие для своей цели важные и интересные указания. Из группы остатков культуры это для времен, от которых до нас дошли „письменные источники“, пожалуй, в большинстве случаев самый богатый источник. Рядом с ним, уступая ему, вероятно, по значению а до времен, от которых до нас не дошло „письменных источников“, являясь основным источником, стоит другой источник—предметы быта и культуры. Я разумею здесь между прочим все то, что добывает в своей работе и подготавливает к использованию историком археолог. Позволю себе здесь несколько остановиться на этой группе источников, в виду, быть может, ее неполной общности в качестве источника для познания природы в ее прошлом. Дело здесь заключается в том, что, напр., раскопка погребения или городища или иного какого-либо сооружения, в котором жил и действовал человек, дает значительный материал для попыток научно воссоздать прошлое природы. Вскрытие погребений дает, напр., угли, древесину, троба, остатки одежды, остатки пищи, разного рода иные предметы целые или в частях. Угли и древесина гроба (или подстилки и т. д.) дает возможность заключать о том, какое дерево употреблено было при данном погребении. Для историка-географа встает соблазнительная возможность заключения, что дерево, которое было при данном погребении употреблено и остатки которого были при его вскрытии обнаружены в виде углей, древесины и т. д., в местности, где это погребение было совершено, и произрастало. Конечно, против этой соблазнительной возможности легко может быть выставлено возражение, которое в основе своей опиралось бы, напр., на предположение, что при погребении в качестве дров и гроба употреблялось дерево не по свободной воле погребавших, а по особому узаконенному обычаю, т. е. в развернутом виде это возражение гласило бы, что в отдаленные времена, до-русские и ранние русские Восточно-Европейская равнина уже знала торговлю деревом, а, б. м., и продуктами из него сработанными. Я не считал бы, однако, такое предположение и основанное на нем возражение значительными. Дело в том, что самое предположение, о котором я сейчас говорил, кажется не имеет под собою опоры в каких-либо показаниях источников, а потому и возражение, которое на нем строится, теряет под собою почву. Правда, эту почву можно под него подвести иным путем: в наших источниках есть кое-какие указания на торговлю деревом в Восточно-Европейской равнине. Так Мукаддеси, восточный писатель X века, говорит, что в числе прочего из Булгара вывозилось в Хорезм загадочное для нас дерево „хелендж“—для какого употребления, впрочем, неизвестно. Константин Багрянородный в своем общеизвестном рассказе о торговых путешествиях Руси в Константинополь, рассказывает о том, что Русь покупала себе лоски-

для деревки у пригонявших их к Киеву славян. Таким образом, некоторые указания на торговлю деревом и продуктами, из него сработанными, в пределах Восточно-Европейской равнины в более или менее отдаленные времена у нас, действительно, есть. Возможно полагать, что привозное дерево шло на устройство погребений, хотя подтверждений этого у нас нет. Но несомненно то, что дерево, откуда либо перевезенное, было много дороже того, которое произросло на месте. Трудно поэтому думать, чтобы обычай узаконился где либо, в местах с пригодным для погребальных целей лесом, привозное дерево в качестве материала при рядовых погребениях для гробовищ и в особенности для употреблявшихся при погребении дров. Нельзя отрицать того, что в отдельных случаях—напр., при погребениях царей или вельможных и особо богатых лиц—привозное дерево могло быть материалом при погребении. Конечно, в местах безлесных или с весьма плохого качества лесом погребение, если его ритуал требовал употребления дерева, целиком или частью строилось на привозном дереве. Но думается, что кроме этих случаев, едва ли можно предполагать в качестве одного из погребальных материалов привозное дерево. Такого рода предположение могло бы, пожалуй, оказаться очень неосторожным. Ограничиваясь этими немногими соображениями в ожидании того, что археологи соберут и предоставят для пользования историков и историков-географов соответственный, пока им неизвестный, материал. Дерево, конечно, может оказаться в погребении и в иных употреблении и виде—чем древесина гроба и угли дров или обуглившиеся куски дерева,—напр., в сосудах, в древках или черенках оружия и орудий и т. д. Здесь, конечно, было бы рискованнее, чем в предыдущих случаях ставить вопрос о привозе самих ли поделок или материала для них. Конечно, этот вопрос нуждался бы тоже в накоплении фактов и первоначальной их обработке археологом. Общее впечатление мое—что сохранившееся до нас в остатках гробовищ и дров и в составе погребения дерево обычно в местах, где был пригодный для употребления при рядовом погребении лес, было местного происхождения. Об остатках дерева, дошедшего до нас в составе погребения, но в иной так сказать роли, не рискую высказать и впечатление. Думаю, что основная масса дерева рядовых погребений—а именно в остатках гробовищ и дров—может быть привлечена в качестве материала к попыткам научного воссоздания прошлого природы.

Что касается остатков одежды, то, может быть, здесь при материале рядовых погребений труднее делать заключение о распространенности в данной местности и в данное время тех или иных видов растительного и животного миров. Пожалуй, мысль о том, что мы имеем дело с привозным материалом для одежды или самой одеждою, будет чаще тревожить исследователя, чем такого же рода мысль будет тревожить его по части остатков дерева. Должен, однако, сказать относительно рядовых погребений, что трудно остатки одежды в них предполагать целиком привозными. Общее впечатление скорее слагалось бы в сторону признания их в основной массе за продукты местного производства и из местного же материала. к этому приводят и мысли о большей дешевизне так приготовленных одежд и некоторые априорные соображения от данных этнографии и истории хозяйственного быта. Конечно, эти доводы и особенно последний—могут быть оспорены. Но во всяком случае этот вопрос нуждается в накоплении материалов и особом рассмотрении.

Оговорюсь только, что, как и выше, я выключаю и здесь из высказанных соображений погребения царей и вельможных и нарочито богатых лиц. В таких погребениях одежды погребенных могли быть и бывали привозными или из привозного материала. Значит, впечатление мое складывается к тому, что остатки одежд, сохранившихся до нас в рядовых погребениях, могут—хотя и с оговорками—быть использованы при изучении и научном воссоздании прошлого природы. Такое же впечатление складывается у меня и по вопросу о том, как в нашем смысле могут быть использованы находимые в погребениях остатки пищи разного рода; точно также мне в общем представляется возможным пользоваться при попытках научного воссоздания прошлого природы данными рядовых погребений, оставляя вне привлечения погребения царей, вельмож и богачей, загробный стол которых или надгробный стол над которыми мог быть изысканнее того, что могли дать растительный и животный миры местности погребения. Я не до конца уверен, положим, в правильности такого выделения этой группы погребений: ведь столы и загробный и надгробный, вероятно, нормировались обычаем, который едва ли значительно уклонялся от местных богатств. Опять живо ощущаю необходимость накопления и изучения относящихся и до этого вопроса фактов.

Этим еще не исчерпывается тот материал, который—хоть и с оговорками—может привлечь к разрешению своего вопроса о прошлом природы, историк-географ. Так при погребениях оказываются кости животных, принесенных в жертву или похороненных вместе с покойником на предмет соответственных услуг ему в будущей жизни. Относительно остатков этих животных, конечно, тоже должен быть поставлен вопрос о том, поскольку они могут быть использованы в целях научного воссоздания прошлого природы. При этом тоже, может быть, целесообразным было бы деление погребений на те же две основных группы с тем же значением этого деления. Следует еще упомянуть, конечно, разного рода предметы быта и культа, которые оказываются в составе погребения и бывают украшены изображениями по преимуществу особей животного и растительного мира или же изображают их. Эти и иные предметы заслуживают внимания и по самому материалу, из которого они сделаны. Иногда и они с обеих указанных сейчас точек зрения могли бы быть историком-географом использованы для той же его цели. Но думается, что в громадном большинстве случаев такое их использование, без особых к тому каждый раз оснований, было бы неосторожным, ибо здесь сильнее господствует временная мода и на материал и на изображение.

Такого же, как разного рода вышеперечисленный, и иного рода материал найдет историк-географ и в других сооружениях прошлого (городища, пещеры и т. д.) и вне их (стоянки, случайные находки). Так же в общем решается и для них поставленный выше сего вопрос об их пригодности в качестве источника к познанию прошлого природы. Так в очень общих очертаниях обстоит вопрос о возможности использования предметов быта и культа в широком смысле этих слов для разрешения проблемы о прошлом природы данной территории. Как явствует, здесь много спорного и мало материала, обследованного с должною полнотою, но все же некоторые очень общие пути как-будто здесь и могут быть намечены.

Если историк-географ, работающий над разрешением вопроса о прошлом нашей природы, обратится за материалом к историку-лингвисту или просто лингвисту и введет его в круг этих своих научных интересов, то, конечно, он сможет многое от него получить. Обследование с точки зрения, которая нас интересует, данных современного нам языка и языка предшествовавших эпох откроет историку-географу целый ряд широких перспектив. В самом деле, язык укажет ему, с какими и в какую пору своей жизни, где и через кого познакомился тот или другой народ особями животного и растительного миров. Историк-географ сможет на основании этих данных строить заключения к растительному и животному мирам территории, на которой в данное время жил этот народ; если эта территория известна, большое значение получают его выводы, а если она неизвестна, он на основании этих своих наблюдений и выводов может поочередно искать территорию изучаемого народа.

Историку-географу в его работах над тою же задачею приходится обращаться и к данным этнографии—и современной и за прошлые времена. При обследовании с точки зрения определенной задачи имеющегося материала он, быть может, порою уловит черты глубокой древности в произведениях народной словесности, народного искусства, а равным образом и в народных верованиях, народных быте и обычаях и в наше время и в прошлые времена. При обследовании предметов живого народного быта и культа, а также произведений живого народного искусства историк-географ будет до известной степени делать ту же работу, как и над материалом, добытым из археологических разведок и раскопок этнографии в этой своей области лишь хронологическое продолжение археологии. А при обследовании произведений народной словесности, а также при обследовании народных верований, он будет до известной степени работать в том же направлении, что и при обследовании данных языка, а в степени, быть может, большей в ином—в том именно, в каком он будет обследовать разного рода произведения литературы изящной и научной, дошедшие от прежних времен и содержащие в себе данные для научного восстановления природы прошлого. Действительно, не говоря уже о произведениях научных или наукообразных, произведения изящной литературы содержат в себе богатый материал для постановки такого рода вопросов. Напомню хотя бы „Записки охотника“ и некоторые другие произведения Ив. С. Тургенева или произведения С. Т. Аксакова—даже вне его знаменитых „Записок ружейного охотника“.

Те произведения, которые носят нарочито повествовательный характер и рассказывают о действительно бывших событиях, правильнее выделить в особый отдел источников, в отдел исторических преданий, который они составляют вместе с устными преданиями и теми произведениями изобразительного искусства, которым их творцами поставлено определенное задание передать тем, кто с ним будет иметь дело, о действительно совершившихся исторических фактах (и в смысле событий и в смысле лиц). Те и другие исторические предания, выраженные словом устным или письменным и изображением, — особенно, конечно, выраженные словом, содержат в себе богатый материал, важный для историка-географа, поставившего своею задачею научное восстановление прошлого природы. Напомню, напр., летописи, жития, повести (в старорусском смысле слова) и сказания, путешествия, записки, дневники, письма и т. д. затем разного рода

устные предания, рассказы старожил и т. д., произведения изобразительных искусств—по преимуществу, вероятно, живописи. Этот материал историком-географом при обследовании прошлого природы тоже, конечно, не может быть ни в одной своей части обойден.

Так богат и разнообразен материал, который при разрешении намеченной задачи может и должен использовать историк-географ. Однако для того, чтобы иметь возможность это сделать, он должен обладать некоторою соответствующею подготовкою, ибо этот материал надо и найти и хотя бы в соответственных местах, как бы это ни было явно недостаточно, правильно понять и, что еще главнее, суметь оценить с точки зрения его подлинности. Первое—найти—ясно. Позволю себе несколько остановиться на втором и третьем. Исторический источник, напр., источник письменный, поскольку не определено, кто, когда, где и при каких обстоятельствах и с какою целью составил его, для историка—малоценен,—малоценен он, конечно, и для историка-географа, научно восстанавливающего прошлое природы. В самом деле, далеко не безразлично для дела изысканий в этой области, в 11 или 16 веке составлен источник и говорит он о данных своего времени, т. е. времени своего составления, или времени предшествующего и как от него в таком случае дальнего: источник напр., 16 в. может говорить о данных и 16 и 15 и 11 веков. Тогда историк должен выяснить, не лежит ли в основе сообщений позднего источника каких либо сведений из недошедших до нас более ранних источников. Указание на лесистость мест около Киева в эпоху поселения и жизни там полян, указание, что они жили в лесах, дошло до нас в памятнике, возникшем в 11 веке и вошедшем в состав сводов времени более позднего—напр., 15 и 16 веков, а сохранилось до нас в рукописях и еще более позднего времени,—меж тем, как речь идет о событиях, предшествовавших половине 9 в., а, вероятнее, о событиях и еще более раннего времени. Конечно, историк-географ чувствовал бы себя покойнее, если бы для данных этого времени он мог почерпнуть сведения из источников как раз именно этой же поры: ведь на протяжении веков так многое в растительном, напр., мире местности могло измениться. Но в данном случае сообщение более поздних сводов о лесах около Киева во время расселения и жизни там полян не будет смущать его, ибо он знает, что оно усвоено этими сводами из более раннего источника, спиравшегося и на устные предания и, вероятно, на современное ему состояние лесов около Киева, хотя, конечно, за время, протекавшее с того времени до момента составления этого источника, это состояние прикиевских лесов должно было несколько измениться,—конечно, в сторону сокращения их площади. В таких случаях приходится учитывать, разумеется, общее течение хозяйственной жизни и роста населения в изучаемой местности для того, чтобы выяснить для времени протекшего от событий, которые источник описывает, в времена его составления возможные изменения в растительном или, напр., животном царстве местности,—поскольку, конечно, все это поддается учету. Когда пульс жизни в местности бьется сильно, ее растительное и животное царство быстро несут тяжелые утраты. Так было, напр., в Московской Руси 15—16 в.,—время составления многих русских житий, содержащих в себе, между прочим, и описание или черты той природы, среди которой подвизались наши святые. Однако, поскольку святые жили за некоторое, более или менее продолжительное время, до составления житий—скажем, за 100—200 лет и даже

менее—природа местности должна была существеннейшим образом измениться—в частности и особенно должны были пережить большое количественное сокращение растительный и животный мир местности, ибо рост населения шел в этих местностях часто очень быстро и сильно бился пульс хозяйственной жизни возмужавшего населения. Все это должно быть учтено, и с точки зрения учета всего этого к описанию природы в житиях должно быть установлено совершенно определенное отношение: либо автор жития описывает ее такую, какой сам ее наблюдает,—тогда она весьма вероятно, описана не такой, какою была в дни святого подвижника, о котором он рассказывает, либо автор построил ее по своим и других лиц припоминаниям—тогда она опять таки едва ли описана в соответствии с действительным ее состоянием в дни его святого. Но надобно иметь в виду и то, что в своих изображениях природы автор жития мог руководствоваться и определенными требованиями агиографической литературы. Конечно, наше отношение к такому описанию природы или отдельных ее черт вполне доверчивым быть не может. То же с вопросом о том, где создано произведение—т. е. в той местности, которой природу оно описывает, или нет? Кем? и т. д. То же самое касается всех прочих собственно исторических источников. Точно также нельзя понять произведения искусства или грубого предмета быта, не ответив себе предварительно на те же и им подобные вопросы. Или, напр., географическая номенклатура, которую обнаруживают большую склонность пользоваться историки-географы. В ней, конечно, историк-географ может искать полезных для себя сведений в своих попытках воссоздать природу прошлого, но, пользуясь ее данными, он в сущности обречен на чрезвычайную осторожность, ибо географическая номенклатура отнюдь не принадлежит к числу источников ясных. Невозможно пользоваться ее данными, пока мы не знаем, кто, когда, по какому случаю и в каком, значит, смысле дал то или иное наименование населенному пункту или урочищу. Что, напр., „Хозарка“—речка в бассейне Днестра—от Хозар или от разновидности особой породы гусей? Только когда этот вопрос будет устранен в пользу первой возможности, а не второй—появится возможность привлечь это наименование, как источник при изучении государства и народа Хозар. Я не останавливаюсь на дальнейших примерах, ибо полагаю, что необходимость прежде использования понять источник в указанных и некоторых других смыслах ясна и из примеров уже приведенных. Укажу только еще, что для понимания письменного или устного исторического источника необходимо понимание его языка, терминологии и стиля и некоторых других, т. е. внешних моментов. Ведь, напр., слово обычно имеет не одно значение—и для историка важно знать, в каком смысле в данном случае оно употреблено. Если историк этого не знает, могут получиться достаточно тяжелые для его работы последствия. Так, напр., если он предварительно не выяснит, в каком смысле его источник употребляет слово „остров“—в смысле ли суши среди водных пространств или в смысле леса среди степи или поля—он может прийти к совершенно неправильному выводу. И точно также он должен учесть стиль произведения, которым он пользуется, чтобы иметь для себя расшифрованными, т. е. ск., те сведения, которые ему дает его источник. Конечно, в основе понимания терминологии и стиля произведения лежит, обуславливая их собою, простое понимание языка данного произведения. Оно основа всего понимания источника. Точ

также и понимание источника вещественного не может быть проведено без аналогичных предварительных изысканий,—в области, напр. того же стиля.

Мне кажется, что из только что изложенного явствует необходимость предварительных и иногда очень сложных и длительных работ по пониманию всякого собственно-исторического источника, который историк-географ, занятый научным воссозданием прошлого природы какой либо местности, хочет использовать, как источник для познания прошлой природы им изучаемой местности. Однако на этом понимании с вышеуказанных и некоторых иных точек зрения не кончаются предварительные операции, которые приходится проделать над источником прежде его использования. Дело в том, что источник может оказаться совсем не тем, за что он выдает себя: это может быть в 2 смыслах—или он может быть не подлинником, а лишь копией с некоего подлинника и даже с какой либо копии же, или, наконец, просто подлогом. При этом в составе источника иногда приходится выделять подлинныя части от подделанных в них копий или даже подлогов; или же среди подлинных частей устанавливать подлинныя части. Эта работа, конечно, тесно связана с пониманием источника, о котором выше сего я только что говорил. Ясно ее значение—исследователь отдаст больше доверия подлиннику, чем копии, поскольку сможет доказать полноту ее соответствия подлиннику, и еще менее, или никакого доверия, подлогу (который, впрочем, при иной постановке вопроса тоже может претендовать на доверие, но право его на доверие исследователя должно быть особо доказано). Всю эту работу приходится проделывать надо всеми собственно историческими источниками. Над теми же из них, которые содержат в себе какие либо сведения о каких либо событиях или каком либо состоянии, приходится проделывать еще одну предваряющую их использование работу. Дело в том, что источник может содержать в себе вольное или невольное искажение истины. Напр., его автор мог позабыть природу той местности, которую он описывал, и поэтому дать неправильное ее описание. Но с другой стороны он, руководясь стремлением возвеличить или унизить описываемую им местность, может и вполне сознательно дать неправильное ее описание,—или иной раз, может быть, и не вполне сознательно. Приходится подвергнуть источник разбору и изучению с этой новой точки зрения. Оно коснется всей группы исторических преданий, а отчасти захватит и некоторые группы остатков культуры. Напр., какой либо акт может содержать в себе и невольную ошибку памяти и злостное искажение расчета в описании природы точно также, как и во всем: так, напр., составитель акта может показать в нем землю лучшего или худшего качества, чем она в действительности была во время составления акта. Все это, как и то, что выше сего говорилось, заставляет, конечно, историка быть очень осторожным со своими источниками. К такой же осторожности обязан и историк-географ, занятый научным воссозданием природы прошлого.

Так с точки зрения этого материала, который историку-географу, научно воссоздающему прошлое природы, приходится привлекать в качестве исторического источника при работе восстановления, ему нужна подготовка в области исторических и к ним примыкающих дисциплин. Но и вне непосредственной зависимости от дела изучения своих источников на предмет их безопасного использования, историк-географ, научно-восстанавливающий прошлое природы, нуждается в

этой подготовке. Ведь он для того, чтобы яснее понять те изменения, которые совершились на глазах истории в жизни природы изучаемой им страны, должен знать тот процесс, который в ней протекал во всем его своеобразии и прежде всего во всех частностях хозяйственного быта носителей этого процесса.

Все эти обстоятельства, о которых в предшествующем изложении шла речь, создают такое положение вещей, при котором занимающийся научным воссозданием природы прошлого историк-географ обязан быть осведомлен во многом, в чем обычно естественники осведомленности не имеют. Он, вообще говоря, должен быть в круге основных вопросов исторического знания. Но помимо этого он должен быть в достаточной степени знаком с историей той страны, научным восстановлением прошлого природы которой он занимается. Так, занимаясь им в отношении России, он должен быть в достаточной мере знаком с общерусским историческим процессом. Если он занимается им в отношении какой-либо отдельной местности страны—скажем, для России в отношении нашего Поволжья,—он должен быть точно также в совершенно достаточной степени знаком с тем историческим процессом, который в этой части страны протекал. Более того, ему для разных экскурсов могут понадобиться познания о прошлом соседних государств и народностей—и он должен быть достаточно подготовлен к тому, чтобы оказаться в состоянии овладеть этим чужим материалом. Но это лишь одна часть дела—общая историческая подготовка. Конечно, историк-географ, работающий над научным восстановлением природы прошлого, должен в полноте изучить все те сюжеты своей специальности, т. е. исторической географии, которые остаются в ней за вычетом научного восстановления прошлого природы. Я перечислял выше сего все эти историко-географические сюжеты, входящие в состав понятия историко-культурной, т. е. части исторического пейзажа. Эта подготовка по части специальности, т. е. исторической географии. Но помимо всего этого историк-географ, решающий научно воссоздавать прошлое природы, будучи вынужден в этой своей работе восстановления обращаться к собственно-историческим источникам, должен во всей полноте владеть методами научного источниковедения. Из того, что я выше сего излагал, ясно, что, если он этого овладения методами научного источниковедения не достигнет, то никакой речи о правильном использовании данных исторических источников и быть не может. Однако, овладеть методами научного источниковедения можно лишь при одном неуклонном условии: при достаточном ознакомлении с некоторыми вспомогательными историческими науками—особенно с археологией и филологией, взятыми под углом зрения потребностей истории и ее научного источниковедения. Конечно, поскольку, восстанавливая прошлое природы, историк-географ в сущности строит некоегда бывший исторический факт, он должен быть ознакомлен и с методами исторического построения. Только при таких условиях—при предварительном основательном прохождении соответствующих курсов и практических занятий—мыслимо более или менее самостоятельное отношение историка-географа к изучаемому прошлому природы и к своему материалу и ко всей своей работе. Я не говорил ни слова о том, что он должен быть в совершенно достаточной степени знаком с географией и естественными науками, ибо почитаю это географа, изучающего прошлое природы, разумеющимся само собой, так как мыслю его прежде всего естественником. Я думаю, что т

курсы по истории, ее методологии и вспомогательным историческим наукам, о которых я сейчас говорил, не все могут быть просто перенесены с гуманитарных факультетов университета туда, где работа по подготовке специалистов по научному восстановлению природы прошлого пойдет. Думаю, что порою, применяясь к назначению слушателей, эти курсы могли бы иметь и особое содержание.

Соответственным образом и историк-географ, научно восстанавливающий те историко-географические сюжеты, которые в содержании исторической географии остаются за вычетом научного восстановления прошлого природы, — сюжеты историко-этнографической, историко-экономической, историко-политической и вообще историко-культурной географии, должен быть в совершенно достаточной степени осведомлен в научном естествознании — значительно более, чем вообще историки обычно бывают в нем осведомлены. Это осведомление в сущности не отличается от того, о котором сейчас шла речь для историка-географа научно воссоздающего прошлое природы, в области исторических дисциплин и дисциплин, к ним примыкающих. Он должен быть достаточно вооружен познаниями в области теоретического естествознания для того, чтобы вполне сознательно оперировать его понятиями, когда по ходу его работ в этом ему представится необходимость. Он должен быть в достаточной мере знаком и с методологией естествознания, чтобы иметь возможность надлежаще использовать те материалы, которые ему дает современное состояние природы или дадут остатки ее прошлого состояния. Можно сказать: ио ведь на нем не лежат заботы по научному воссозданию прошлого природы; значит, ему не надо методологии естествознания, да и полагуй, вообще ему естествознания не надо. Конечно, воссоздание прошлого природы — не его непосредственное дело. Но в рамках этого, другими достигнутого воссоздания, он должен строить свою историко-культурную часть исторического пейзажа. И разумеется, оно не может удалиться, если он не будет знаком ни с естественными науками, ни с их методологией. Мне представляется, что по преимуществу он должен быть в достаточной мере знаком с геологией, физической географией, климатологией, почвоведением, ботаникой, зоологией, антропологией. Он также должен показать умение практически работать в этих областях. Конечно, он должен быть затем в совершенно достаточной степени осведомлен в культурной географии современности и соседним с своим отделом исторической географии. Почитаю нужным отметить, что и здесь я представляю себе возможность и желательность ряда особых курсов, приуроченных к потребностям историка-географа, изучающего культурную часть исторического пейзажа, как выше представлял тоже для его соседа по отделу исторической географии. Так создается большая и значительной сложности задача подготовки специалистов-исследователей в области исторической географии.

Эта задача должна быть исполнена, — иначе историческая география России останется так же мало изученной, как она мало изучена сейчас. Как же эта задача может быть исполнена? Мне представляются здесь два возможных пути. Географическая наука и в частности география России — в Русской Высшей Школе сейчас находится в утесненном состоянии. Оо достаточно известно всем, кто интересуется ее развитием. В основе этого утеснения географ и лежит обычное Высшей Школе приурочение ее к физико-математическому

роною, но от которого далеко отходит другими своими сторонами примыкающими к гуманитарным факультетам. На гуманитарных факультетах, действительно, и преподаются отдельные части географической науки: этнография, экономическая география, политическая география, историческая география. Студенты географы физико-математического факультета приглашаются слушать эти и некоторые другие предметы гуманитарных факультетов. Получается разорванность географической науки между тремя факультетами. Мне представляется, что эти разорванные части географической науки должны быть собраны в одном факультете; там они должны быть окружены рядом дисциплин, рассчитанных на то, чтобы, прослушав их, студент получил законченное географическое образование. Это—первый путь. Но быть может, его осуществление может вызвать отрицательное отношение и практические неудобства, так как им нарушается привычное деление университета на его четыре факультета. Я допускаю возможность такого отношения к предложению учредить в составе русских университетов пятый (по до-революционному счету) факультет—географический, хотя и не приемлю тех соображений, которые к этому отношению приводят, и не вижу в его учреждении никаких практических неудобств. Тогда—второй путь, путь создания вне университета особого Географического Института, мечты о котором русские географы лелеют, быть может, охотнее, чем о факультете. По этому второму пути подготовка географов-исследователей и вообще специалистов по географии сосредоточивалась бы вне университета в этом географическом институте. Я считаю такую изоляцию подготовки географов в сущности нежелательной. В университете с его всеобъемлющими программами каждый уклон интересов студентов—географов может получить поддержку на одном из соседних факультетов, в то время, как в институте такой поддержки при сравнительно узости его специальных заданий, пожалуй, по временам не будет возможности найти. Но где бы ни создавался в конце концов центр подготовки географов исследователей и вообще специалистов по географии, в географическом институте или на географическом факультете в составе этого центра подготовки должно быть создано отделение исторической географии. Там, действительно, изучение ее вопросов, как ветви исторического знания, покоилось бы на широких общегеографических основаниях. Там в тоже время историк-географ, научно воссоздающий прошлое нашей природы, сможет найти опору своим работам в надлежаще и приспособленно к его задачам поставленном историческом образовании. Там и другой историк-географ научно восстанавливающий, т. е., культурную часть исторического пейзажа, найдет опору своей работе в широко и опять таки приспособленно для его нужд поставленном преподавании естествознания. Я хочу указать этим, что там могли бы быть созданы особые построения и содержания курсы и для той и для другой группы историко-географов, так чтобы для каждой группы удачно сочетались воедино широта постановки преподавания со значительной специальностью его заданий и чтобы в пользу этому живому делу выработки специалистов подверглись коренной переработке обычные, нам всем привычные, университетские курсы. Так один из этих двух путей—или быть может правильное, одно из двух разветвлений в сущности единого пути: особое отделение исторической географии на географическом факультете университета или в географическом институте—лучшее, что можно сделать для подготовки отсутствующих ныне у нас специа-

тов по исторической географии. Повторяю, что мне более действительным представляется путь через университетский факультет, а не через институт. Было бы во всяком случае чрезвычайно важным для дела, чтобы к разрешению вопроса о создании географических факультета или института были привлечены и крайне немногочисленные сейчас работники в области исторической географии. Тем паче специалисты в ее области должны быть привлечены к выработке программ и планов преподавания на ее, исторической географии, отделении *).

Однако мы нуждаемся сейчас не только в подготовке специалистов по исторической географии, как бы почтенно и нужно само по себе это дело ни было. Интересы русской исторической науки (в смысле науки русской истории) настоятельно требуют, чтобы работники в ее области были еще на университетской скамье более, чем где имеет место сейчас, осведомлены в области исторической географии, ибо только тогда, когда они в ней надлежаще станут осведомлены, для них предмет изучения будет надлежаще конкретизирован через выяснение его „исторического пейзажа“, по прекрасному выражению маститого ученого. Эта конкретизация предмета изучения рядом с широкими социологическими схемами изучения, в которых тонет, теряя свою индивидуальность, материал источников и пропадают конкретные факты, о которых мы из них знаем, поставит новые рамки, рассчитанные на то, чтобы не дать исчезнуть ни одному источнику и ни одному историческому факту, но задержать их все для чиста и выявления их значения и смысла. В этом отношении для начинающих работников в области науки русской истории, где сейчас в процессе всего достигнутого внимание исследователей, оторванное от схем недавнего прошлого, устремляется к источникам и через них к прежде всего отдельным фактам прошлого, историческая география является необходимою опорой в размещении и источников и фактов. Поэтому русская историческая география должна быть независимо от своих специальных услуг науке русской истории в смысле изучения и определения „исторического пейзажа“, в котором протекает изучаемый наукою русской истории общерусский исторический процесс, прочно поставлена в плане нормального и законченного исторического образования как для всех студентов-специалистов по русской истории обязательный предмет. Предвижу, однако, против этого моего положения протесты с точки зрения той специализации, которую сейчас наука русской истории переживает.

Конечно, наука русской истории переживает сейчас полосу сильнейшей специализации. Думается, что эта специализация обусловлена определенными конкретными данными. С одной стороны, те схемы, по которым русский исторический процесс в изображении его историков строился, самым развитием науки оказались подорванными. Внешний, но показательный, признак этого — старания „русских историков“ избежать чтения общих курсов русской истории в университете. Материал курса, который ранее так хорошо укладывался в готовые схемы, теперь становится укладывать не во что. Общие курсы начинают заменяться так называемыми „отделами“, в которых конструкция в этом смысле, в каком она проникает „общий курс“, отсутствует или

*) Вскоре после того, как эта статья была передана в редакционный портфель „Ист. Нар. Образ“, я узнал, что в Петрограде образовался давно жданный географический Институт. Его программа, сколько я с нею знаком, не рассчитана, однако, на подготовку специалистов по исторической географии, а самому преподаванию исторической географии в ней отведено весьма скромное место.

по крайней мере отходит на второй план. Изложение материала курса в отделе опирается на разбор источников и историографические справки; порою оно переходит в исследование. Самое внимание исследователей в соответствии со всем этим приковывается к разработке отдельных более или менее специальных вопросов. С другой стороны, к тому же толкает исследователя обилие и разнородность материала, который ему приходится привлекать для каждого поднятого в исследовании вопроса, связывающие исследователя, на долго приковывающие к себе его внимание и силы, не дающие ему возможности быстро провести обследование какого либо вопроса и потом по совершенно свободному выбору перейти к любому другому вопросу. Не говоря уже об интересах и привычке к определенным темам — к темам определенных времени или места, историк привыкает и чувствует интерес к определенному в том же смысле материалу. Все это надолго, если не навсегда, задерживает исследователя на таком или иначе определенном круге вопросов. Такими (и иными) путями создается, действительно, ученая специализация в области науки русской истории. Конечно, идя порсю очень глубоко, эта специализация может иногда увести исследователя очень далеко от всякого непосредственного интереса к сюжетам исторической географии. Исследователь может, напр., углубиться в изучение истории духовных достижений и в этой области отдать свои силы научному воссозданию когда-то бывших религиозных и философских исканий, широких кругов и даже отдельных лиц. Точно также исследователь может обратиться к изучению каких либо, напр., письменных или вещественных источников, как таковых. В этих случаях и им подобных, подбор которых без труда можно очень значительно увеличить, историк, конечно, далеко или очень далеко отходит от сюжетов исторической географии или близких ей. Все же я полагаю бы в высокой степени целесообразным, чтобы и такой в будущем узкий или даже в своих непосредственных интересах очень узкий специалист и от историко-географических сюжетов далекий исследователь в области науки русской истории в свои школьные годы постигался некоторому изучению исторической географии: ведь задачей университетского преподавания вообще является в сущности отнюдь не подготовка узких и односторонних в своей узкости специалистов, а создание кадров лиц, которые на основе полученного в университете законченного образования могли бы свободно при открытии путей в разные стороны избрать себе специальность; оно, университетское преподавание, должно поэтому сообщить своему адепту некоторый *minimum* общеобязательного во всех ветвях и разрезах избранной им науки; и точно то же в деле подготовки кадров работников в области русской истории. Опять таки здесь заботы должны быть приложены не к выработке преждевременных со студенческими скамьями узких специалистов, а к подготовке студентов к тому, чтобы на основе полученного в Университете законченного исторического образования, в плане которого предусмотрены были бы все главные линии будущей исследовательской работы, они в последующем по своему свободному выбору могли определить в пределах русской истории свою специальность без ущерба для дела этой своей специальности. Дело в том, что специализация есть понятие — по крайней мере в отношении к исторической науке и в частности науке русской истории — весьма условное. Исследование большой специальности порождает очень специальных познаний совсем не только в той об-

ласти, в которой исследователь специализируется или уже специализировался,—и при самой узкой и специальной теме часто могут встретиться вопросы из очень отдаленных областей. В частности, напр., при исследовании в области духовной жизни может порою обнаружиться потребность в некоторых историко-географических разысканиях,—напр., в области состояния природы определенных места и времени, ибо ее влияние так часто и сильно сказывается на истории духовной жизни. Так в случаях изучения истории духовной жизни—и как массового и как индивидуального явления. Или, напр., историку духовной жизни в определенной местности может потребоваться для выяснения ее склада и истории установление тех сторонних влияний, которые она испытывала; определение этих сторонних влияний в сущности совершенно невозможно без учета тех сношений и связей, которые у населения данной местности и в частности изучаемых его групп были и с соседними и с отдаленными местностями, и тех путей сообщения, которыми эти сношения и связи устанавливались. Точно также и при занятиях историческими источниками, как таковыми. Напр., занятия некоторыми группами памятников, как историческим источником, довольно часто с полной неизбежностью ведут к обращению в сторону исторической географии, скажем,—при изучении распространения данных памятников, или при изучении их языка, или при изучении тех сторонних влияний, под которыми данный памятник сложился. Я говорю все это к тому, чтобы показать, что, в сущности говоря, так называемая специализация ведет в области исторической науки и в частности науки русской истории не к сокращению того материала, которым историк должен овладеть, а всего лишь, быть может, к иному его составу, не к уменьшению количества тех методов, располагать которыми он должен, а опять таки, быть может, лишь к иной их комбинации, а вернее едва ли не к увеличению их числа. Предчувствую возражение, что во всех таких, как мною приведены, и подобных им случаях возможно использование работ специалистов в соответственных областях—и в частности в области исторической географии,—и с решительностью отвожу это возражение. Ведь поскольку речь идет о серьезных исследованиях, историк невозможно ограничиваться ссылками на чужие работы (учитывая в особенности противоречия ученых мнений в вопросах большой специальности), без некоторой доли самостоятельного отношения к делу, при которой, исследователь, свободно владея методами соседней специальности, берет из чужой работы и материал и выводы, хорошо определяя их цену, для самостоятельной работы в той области, в которую ему для подсобных целей вступить пришлось. Для такой самостоятельности—нужно владеть методами соседней специальности. Это овладение ее методами студенту-историку должен дать университет. Хочу сверх этого подчеркнуть, что самое содержание исторической географии, исследующей обстановку и условия, в которых протекал исторический процесс изучаемых государства или народа, выдвигает ее с ее методами, как обязательный для всех студентов историков предмет, какую бы сторону исторического процесса они не изучали. В этом отношении ее совсем нельзя ставить на одну доску с этими отдельными сторонами исторического процесса. Ее изучение не идет параллельно им, а обуславливает их изучение собою. В этом особенность ее положения, а в ней ее общеобязательность, как предмета преподавания.

Так я обосновываю необходимость преподавания исторической географии для всех студентов-историков. Я подвожу под понятие студентов-историков и студентов-археологов, ибо археология, как научная дисциплина, является в сущности лишь частью источниковедения, т. е. отдела исторической науки, посвященного обзору и изучению исторических источников и методов их подготовки к использованию в собственно исторической работе. Правда, археологи постоянно перерастают это определение археологии,—но, перерастая его, они тем самым входят в область чисто исторических исследований, для которых, конечно, им действительно необходима историческая география, как это из вышеизложенного явствует. Думаю, однако, что, когда археологи остаются в тесных рамках своей непосредственной специальности, им так же действительно нужна историческая география, ибо, как я только что выше выяснял, изучение исторических источников, как таковых, весьма часто ставит перед исследователем вопросы, дать ответы на которые можно, только владея материалами, а главнейше методами исторической географии. Выясняя, напр., принадлежность какого либо вещественного памятника древности определенному состоянию культуры (национальной или интернациональной), археолог должен принять во внимание и подвергнуть изучению территории, на которых распространены и данный вещественный памятник древности и культура, к которой его приурочить пытается исследователь, причем это изучение территории должно быть проведено и с точки зрения прошлого природы и с точки зрения т. ск. историко-культурной,—одним словом так, чтобы был сполна выяснен „исторический пейзаж“ и для данного вещественного памятника древности и для привлекавшей внимание исследователя культуры. Таким образом, как мне представляется, и специалист-археолог должен быть достаточно осведомлен в материале и методах исторической географии, а значит, и студент-археолог должен получить по ней подготовку.

Конечно, степень подготовки по исторической географии может и, пожалуй, должна быть в целях экономии и наиболее продуктивного распределения сил учащихся различной. Те специалисты-историки, интересы которых лежат в областях знания, более тесно связанных с различными вопросами историко-географического свойства, конечно, нуждаются в более обширной и специальной по ней подготовке. Но, как мне представляется, в основе университетских занятий по исторической географии должен лежать для всех студентов-историков особый построения и содержания курс: т. ск. введение в историческую географию. В этом курсе внимание слушателей должно быть, как мне кажется, сосредоточено на выяснении прежде всего самого основного содержания исторической географии, как ветви исторической науки, т. е. понятия об „историческом пейзаже“ и его изменениях или понятия об обстановке и условиях, в которых протекал исторический процесс изучаемых государств или народа. Затем внимание слушателей должно быть сосредоточено на рассмотрении общих и частных задач исторической географии, как ветви исторической науки, а также тех источников, которыми она в своих разысканиях пользуется, и тех приемов, которые она в своих разысканиях употребляет при научном восстановлении какого-либо историко-географического факта. Изложение этих т. ск. „вводных глав“ в историческую географию, как ветвь исторического знания и предмет изучения, должно сопровождаться обильными иллюстрациями не только в смысле ссылок на то или иное

знание в историко-географическом прошлом, но и в смысле главнейшим образом разрешения некоторых примерных историко-географических задач. Остановлюсь для ясности на 2 таких примерных историко-географических задачах, разрешение которых может быть проведено в аудитории. Речь идет, напр., об источниках, которыми в своих разысканиях пользуется историк-географ. Вполне возможно показать как в смысле историко-географических интересов может быть использован какой-либо источник или какая-либо их группа,—напр. житие какого-либо святого или какая-либо группа житий, учитывая при этом, конечно, самые разнородные историко-географические сюжеты, с точки зрения изучения которых может быть проведено изучение и использование источника или группы источников. Или-же, скажем, речь идет о разрешении какого-либо технического историко-географического вопроса,—напр. об установлении границ меж некоторыми политическими единицами. Опять таки преподаватель исторической географии сможет отыскать достаточное количество иллюстративного материала. Он может, напр., подвергнуть изучению, доходя до частных, вопрос о выяснении какой-либо одной границы между двумя какими-либо политическими организмами или всех границ какого-либо политического организма. Освоение студентом таких примерных разрешений вводит его в самую лабораторию историко-географических исследований, и он на опыте узнает их приемы. Такого же рода разрешение примерных задач может быть проведено историком-географом и для целого ряда иных историко-географических сюжетов.—напр., и при определении местонахождения и приурочении к карте населенных и стратегических пунктов, а также рек, озер, лесов и других урочищ, путей сообщения, разного рода границ и их изменений, разного же рода районов или частей территории и центров, а равным образом и при более сложных темах, как выяснение реального значения приобретения или утраты изучаемым государством или народом той или иной части своей территории. Такого же рода примерные историко-географические задачи могут быть проведены и в направлении ознакомления слушателем с некоторыми—хотя бы наиболее общими—приемами в изысканиях касательно научного восстановления прошлого природы,—напр., относительно географического распределения флоры и фауны и его изменений в историческое время, распределения почв и изменений в нем, изменений и колебаний климата и т. д. Конечно, иллюстративный материал к такому курсу должен быть, поскольку он читается для студентов-русских историков, подобран русский. Таковы два первых отдела этого курса. Третьим его отделом должно бы быть изучение происхождения и выяснение той природной и культурной обстановки, в которой расселялись в Восточной Европе русские славяне и создавалось русское государство,—значит, изучение территории России в до-русское время и во времени расселения по ней русских. Это изучение должно быть проведено с точки зрения интересов именно русской истории и исторической географии России. Поэтому в нем прежние насельники Восточной Европы представят интерес не сами по себе, а лишь потому, что ими было сделано или благодаря им совершилось в изменениях обстановки и условий жизни в Восточной Европе, потому, значит, чем им русские славяне в этих обстановке и условиях жизни были обязаны. Вот почему я не боюсь того, что некоторые вопросы этого отдела курса могут быть затронуты в курсах по другим специальностям—в частности в курсах по археологии: их построение и подход

к материалу будут совсем иными. Самое же выяснение обстановки и условий жизни в Восточной Европе ко времени расселения по - и русских славян и сложения в ней затем русского государства, я считаю настоятельно необходимым, ибо только при учете их могут стать понятны и это расселение и сложение государства, как они произошли. А изучение этих обстановки и условий в историческом аспекте, как мне представляется, поможет лучше разобраться в них. Предполагаю, что этот материал—целостный и за длительный промежуток времени—будет полезен и с иллюстративной точки зрения. Я считал бы возможным проведение такого курса по „Введению в историческую географию“ при двух годичных часах.

Прослушивание такого рода курса и сдача по нему зачета должны, как мне представляется, привести студента к освоению основных историко-географических методов, а отчасти и историко-географического материала. Конечно, сейчас в распоряжении и преподавателя и слушателя нет готового печатного или литографированного пособия к такому рода курсу. Думается, что и сейчас и вообще пока такого пособия не будет, зачет по курсу мог бы сдаваться на основе или студенческих записей лекций или некоторых комбинаций имеющихся по исторической географии работ. Думается, впрочем, что сдача зачета могла бы быть проведена и в иной форме—в форме исполнения студентом работы на заданную преподавателем исторической географии тему более или менее общего характера, так что сдача зачета могла бы перейти в сдачу самостоятельно проработанных на основе прослушанных лекций какой-либо монографии или какого-либо историко-географического курса, а могла бы вылиться и в некоторый более или менее общий доклад, также самостоятельно проработанный студентом на основании указанных ему преподавателем источников и литературы. Я вообще считаю во многих случаях такого рода зачет более удобным и достигающим цели, чем зачет по пособию в форме обычной его сдачи. Потому, если бы даже оказался в конце концов в итоге чьего-либо преподавания напечатанным курс „Введение в историческую географию“, как я его выше описывал, мне было бы все-таки жаль в конце расстаться с такого рода зачетом, как бы жаль и сейчас заменить сполна его зачетом по записям или комбинации историко-географических работ. Мне думается, что тогда было бы, вероятно, можно в той или иной форме одно с другим соединить, как можно, конечно, сделать и сейчас при современном положении дел с зачетом. В целях наибольшего привлечения студентов к тем разнородным историко-географическим записям, иллюстрациям которых должен быть наполнен этот вводный курс по исторической географии и навык к которым должен быть обнаружен студентами при зачете, мне представляется весьма желательным попутное с чтением курса ведение тем же лицом приоритетных к нему практических занятий—конечно, необязательных. Количество часов для них предполагаю такое же—два. Участие студента в таких практических занятиях могло бы дать при условии особой их успешности и основание к зачету курса, а во всяком случае упростило бы этот зачет. Может быть, через сочетание сдачи курса по пособию, записям или комбинации историко-географических работ со сдачею зачета по практическим занятиям и надо итти к удовлетворительному разрешению этого вопроса о наиболее целесообразной форме зачета по курсу „Введение в историческую географию России“.

Мне думается, что для студентов, изучающих русский исторический процесс, такого рода вводный в историческую географию России курс, особенно в соединении с соответствующими ему практическими занятиями и зачетом, о разных комбинациях которого я сейчас говорил, не пройдет бесследно, даже если потом их интересы сложатся далеко от всяких историко-географических сюжетов или уже в студенческие годы от них далеко складываться начнут. Он приучит их к историко-географическим разысканиям, и в нужный момент, когда логика самостоятельного далекого от непосредственного соприкосновения с сюжетами исторической географии исследования толкнет их с определенными подсобными целями в сторону этих разысканий, заложенные в них навыки к этим разысканиям пробудятся, и в области очень далекой, может быть, от своей специальности, эти исследователи, проходившие в свое время так построенный курс, проявят максимум возможной для не-специалиста самостоятельности.

Я хочу сделать прежде, чем пойти дальше, еще одно замечание. Такой курс, как и вообще курсы и занятия по исторической географии, предполагает у аудитории некоторый уровень познаний в области естественных наук. В частности и особенно предполагают его вопросы, относящиеся до изучения прошлого природы. Я должен, однако, сказать, что это меня несколько не смущает: историк—и не только историк-географ, а вообще историк—должен быть до некоторой степени осведомлен в области естественных наук; конечно, изучение их должно иметь для него т. ск. „прикладное“ значение; самая комбинация сообщаемых ему естественно-научных сведений—т. ск. подбор и объем сообщаемого—должна протекать под знаком признания их „прикладного“ характера и подсобного назначения, т. е. образываться в соответствии с теми потребностями, которые испытывает работа историка, постоянно оперирующего некоторыми очень существенными естественно-историческими понятиями. Но это, конечно, вопрос особый. Может быть,—выскажу предположение—здесь было бы можно ограничиться одним своеобразно построенным курсом, в состав которого вошли бы основные элементы геологии и географии, а также почвоведения и зоо-и фитогеографии. Конечно, этот курс или соответствующие его объему курсы не должны обременять студента большим количеством часов. Надеюсь в иной связи вернуться к этому вопросу.

Рядом с таким „Введением в историческую географию России“, проработанным, конечно, на русском материале, и на основе его для студентов специалистов по русской истории должен читаться, конечно, и т. ск. Общий курс исторической географии России. Такого рода курс во всяком случае может быть очень различно построен. Возможно, конечно, построение его в форме очень конструктивного курса, читаемого при 2 годичных часах и охватывающего все основные вопросы русской исторической-географии за весь русский исторический процесс. Разумеется, он будет менее конструктивен, ежели его читать при 3 или 4 годичных часах или 2 года при 2 часах в год. Не стану отрицать его полезности, но отмечу трудность его построения. Факты исторической географии России мало изучены и недостаточно сведены в систему, во всяком случае прочно не уложены ни в какую схему. Поэтому легче построить курс неконструктивный, с большим количеством часов, при котором было бы можно привлечь к изложению и источники и ученую литературу; в нём было бы можно вести исследования затра-

гиваемых вопросов, только на почве их идя на некоторый синтез. Такой совсем неконструктивный курс всего удобнее, как представляется мне, построить рассчитанным на 4 части или отдела, полагая на каждую часть 2 годичных часа. Я мыслю эти части или отделы так: 1. Историческая география древней Руси от расселения русских славян до конца 14 века, 2. Историческая география Московской Руси, 3. Историческая география Литовской Руси, 4. Историческая география России в 18—20 в. Такая разбивка общего курса на отделы, конечно, не единственно возможная. Для меня она не случайна в двух смыслах: 1. так разбит на отделы общий курс русской истории в Саратовском Университете, в котором я имею честь преподавать русскую историю, и 2. конец 14 века — время сложения двух сильных государств литовско-русского и московского, первого почти вполне, второго в своей основе; этим важным историко-географическим явлением завершается для меня первый отдел курса, хотя, конечно, точку его завершения можно было бы искать и ранее — особенно в покорении Руси татарами, положившим на долго конец последним остаткам единства всей русской земли; тогда естественно было бы, однако, отодвигать конец 2 отдела до времени воссоединения России почти во всем объеме территории, населенной русским народом, т. е., до времени Екатерины II и разделов Польши, — параллельный ему 3 отдел продолжался бы тогда до того же самого рубежа, что было бы вполне естественным, а 4 отдел охватывал бы конец 18, весь 19 и начало 20 веков. Нельзя, конечно, отрицать целесообразности такого деления курса на отделы — особенно с той «этнографической» точки зрения, о которой я только что сейчас говорил. Принять его мне мешает собственно лишь та чрезвычайная неравномерность частей общего курса, которую он создает: в самом деле, 2 и 3 периоды будут тянуться с середины 13 в. по почти конец 18, а четвертый охватит в конце концов немногим более 100 лет. Мешает мне его принять и еще одно — правда, достаточно специальное — обстоятельство: легко провести курс исторической географии Литовской Руси, полагая конец этого курса, как кладут обычно конец и курсу по истории Литовской Руси, на Люблинском сейме 1569 г., и очень трудно прочесть его, как и курс по истории Литовской Руси, за остающуюся часть 16, весь 17 и большую часть 18 ав.: материал здесь и недостаточно собран и почти не изучен и потому не-специалистам по литовско-русской истории этого времени малоизвестен. Вот почему это внутренне, может быть, более обоснованное деление курса на отделы мне представляется на практике труднее осуществимым, чем то — м. б., менее обоснованное, — о котором я выше сего говорил. Допускаю возможность и других делений курса на отделы с некоторых других точек зрения, — напр., м. б., с точки зрения истории колонизации или истории хозяйственного быта, но полагаю, что, изменяя в частности — иногда очень существенных — предложенное мною деление, на котором я в конце отнюдь не настаиваю, они, как и то, о котором я выше только что говорил, в одном его не изменяют: в четырехчленном делении, которая образовалась, конечно, не случайно и соответствует тем 4 частям, на которые обычно делится и естественно делить, русский исторический процесс — три, одна за другою следующие, и одна, параллельная второй из них. Очень может быть, что со временем это четырехчленное деление сократится до трехчленного, когда русские историки сумеют связать в одно построение

историю Московской и Литовской Руси. Тогда, конечно, и изложение исторической географии этого времени значительно упростится и два отдела сольются в один. Каждый из отделов, составляющих замкнутый общий курс исторической географии России, может быть прочтен при 2 годичных часах. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы чтение отделов общего курса сопровождалось практическими занятиями по тем же отделам, тоже при 2 годичных часах для каждого отдела. Конечно, желательно разнообразие в постановке этих занятий. Может быть, оно могло бы быть проведено так же, как в специальных курсах, о которых сейчас ниже. Общий курс того очень конструктивного типа, о котором я несколько выше говорил, хорошо мог бы улечься на основе этих отделов и сопровождающих их практических занятий, даже на основе одного такого отдела.

Перехожу к вопросу о специальных курсах по исторической географии России. Следует, конечно, отметить прежде всего их деление на 3 группы: 1) источников, относящихся до исторической географии России, 2) истории исторической географии России и 3) отдельных общих и частных вопросов исторической географии России. Конечно, внутри каждой из этих 3 групп можно провести деления на подгруппы. Не стану останавливаться на этих понятных возможностях и отмечу лишь одно, что первая и третья группы объединяют в себе темы, относящиеся до обоих основных делений в области историко-географических разысканий: разысканий в области прошлого природы и разысканий в области т. ск. культурных сюжетов исторического пейзажа. Было бы поэтому чрезвычайно желательно, чтобы оба деления обеих групп были представлены во время пребывания студента в Университете. На каждый из этих специальных курсов я клал бы точно также 2 годичных часа. Тогда мы имеем 5 нижеследующих специальных курсов: 1) курс по какому либо источнику или какой либо группе источников, относящихся до исторической географии России и обычных для русского историка, 2) курс по какому либо источнику или какой либо группе источников, относящихся до исторической географии России по отделу изучения прошлого природы, необычного для историка свойства; 3) курс по истории исторической географии России; 4) курс по какому либо более или менее специальному вопросу исторической географии России по отделу изучения русской природы прошлого, как части его „пейзажа“ и 5) курс по какому либо более или менее специальному вопросу исторической географии России по отделу историко-культурных т. ск., сторон этого „пейзажа“.

Тогда мы имеем следующую общую таблицу курсов и часов:

1. „Введение в историческую географию России“ . . .	2 ч.
2. 4 отдела „общего курса исторической географии России“	8 ч.
3. 5 специальных курсов по исторической географии России	10 ч.

Итого 10 курсов при 20 ч.

И такую же таблицу практических занятий и часов:

1. Практические занятия к курсу „введение в историческую географию России“	2 ч.
--	------

2. 4 группы практических занятий по исторической географии России 8 ч.

Итого 5 групп практических занятий при . . 10 ч.

А всего курсов и занятий 15 при 30 часах. Все это количество 15 курсов и занятий при 30 часах составит собою некоторый целостный круг, который может быть возглавлен тем двухчасовым очень конструктивным общим курсом о котором выше я дважды упоминал. Тогда мы имеем 16 курсов и практических занятий при 32 часах,

Их распределение я мыслю себе следующим образом, конечно, примерно и признавая возможность иного:

1 год преподавания.

Курсы:

1. „Введение в историческую географию России“,
оба полугодия 2 ч.
2. Специальный курс, оба полугодия 2 ч.
- Практические занятия соответственно курсу, оба полугодия 2 ч.

А всего: 2 курса и 1 практические занятия при . . 6 ч.

2 год преподавания.

Курсы:

1. „Историческая география России до конца 14 в.“,
оба полугодия 2 ч.
2. Специальный курс, оба полугодия 2 ч.
- Практические занятия соответственно отделу, оба полугодия 2 ч.

А всего 2 курса и 1 практические занятия при . . 6 ч.

3 год преподавания.

Курсы:

1. „Историческая география Московской Руси“, оба полугодия 2 ч.
2. „Историческая география Литовской Руси“, оба полугодия 2 ч.
3. Специальный курс, оба полугодия 2 ч.
- Практические занятия—две группы соответственно обоим отделам, оба полугодия 4 ч.

А всего 3 курса и 2 практических занятий при . 10 ч.

4 год преподавания.

Курсы.

1. „Историческая география России в 18—20 вв.“,
осеннее полугодие . . . (полугодных) 4 ч.
2. „Общий курс исторической географии России“,
весеннее полугодие . . . (полугодных) 4 ч.
- 3—4. Специальные курсы, оба полугодия 4 ч.
- Практические занятия соответственно отделу, оба полугодия 2 ч.

А всего 4 курса и 1 практические занятия при . 14 ч.

Я сознательно сосредоточил большую часть курсов и практических занятий в моем их примерном распределении на 3 и 4 годах преподавания исторической географии России, рассчитанного именно на 4 года и представляющего внутри их некоторое целостное единство, для момента введения такого рода плана в жизнь: легче начинать со сравнительно немногого, а студенту возможность обширного выбора нужна не столько на 2 первых, сколько 2 последних годах, когда он окрепнет и сложится в своих научных интересах. Но я охотно мыслю и иное распределение материала по введению в жизнь предлагаемого плана. Важно то, чтобы студент за 4 года своего пребывания в университете мог выбрать себе для прослушания любой курс и для участия любую группу практических занятий из рассчитанного за эти 4 года историко-географического комплекса курсов и занятий, и в каком порядке будут ему предлагаться отдельные части этого комплекса дело сравнительно второстепенное и факультетская рекомендация всегда во время направит интересы новичка в надлежащее русло. М. б., впрочем, один курс из этого комплекса нуждался бы в повторном чтении в течении этих 4 лет—это курс по „Введению в историческую географию России“, в виду его особого характера, чтобы пропустивший его студент мог наверстать упущенное, но и на этом я настаивать не стал бы. Я полагал бы только, что начинать слушание исторической географии России было бы лучше всего с этого курса или с отделов и не предлагал бы начинать со специальных курсов, которые, вообще говоря, всегда должны бы ложиться на некоторую подготовку и никоим образом не с очей конструктивного общего курса, полного выводов, а не исследований, учащего синтезированию, а не методам исследований. Тот список курсов и практических занятий, который вошел в настоящее изложение, как мне представляется, исчерпывает все основные потребности, которые могут быть у студента с той или иной точки зрения интересующегося исторической географией и сам по себе представляет некоторое целостное единство. Из этого целостного единства курсов и практических занятий студенту предстоит, опираясь на разъяснения факультета, избрать себе курс или предпочтительнее курс и занятия для прослушания или прослушания и участия—и, конечно, зачета—по мере личных интересов и склонностей. При этом, что касается курсов то я полагаю, что факультет мог бы рекомендовать студентам этот обязательный минимум избрать из пяти первых, не специальных курсов: „Введения“ и „Отделов“. Точно также факультет мог бы рекомендовать студентам, желающим осложнить свой минимум практическими занятиями, выбирать их параллельно слушаемому курсу. Этот минимум, повторяю, я считаю в 2 годичных часа, а при осложнении практическими занятиями в 4 годичных часа.

Однако такая схема может вызвать против себя нарекания, которым нельзя будет отказать в обоснованности с точки зрения— правда, не интересов преподавания—а т. е. бытовой точки зрения. Дело в том, что цифры: 16 для курсов и практических занятий по исторической географии России и 32 для часов, потребных при их осуществлении, могут, пожалуй, показаться чрезмерными, если сопоставить их с количеством тех и других как их обычно отводят на преподавание русской истории для студентов—даже специалистов по ней. И действительно, число их до крайности незначительно. Но из ближайшим выводом должно бы по моему быть не укорочение плана преподавания исторической географии России, а расширение пра-

подавания самой русской истории—в обеих его частях—обязательно и необязательно. Не останавливаясь на подробностях и даже—в этом очень существенном подразделении, скажу только, что, кроме 3—5 частей общего курса (в числе которых я мыслю и так называемую „Литовскую Русь“ и не до Люблинской унии, как она обычно читается, а до включения русских земель, поделенных меж Литвою и Польшею, и самих литовских земель в состав русского государства) и заменяющего их „очень конструктивного“ общего курса, я мыслю здесь особые специальные курсы, которые, по разному строясь—одни с масштабом широким, другие узким и даже очень узким должны охватить по возможности все стороны, вопросы и эпохи русского исторического процесса и задачей которых является с одной стороны ознакомить студентов с приемами исторического анализа, преобладающими в них над синтезом, а с другой стороны предоставить им возможность будущей специализации в любом направлении. Понятное дело, что число этих курсов и может и должно быть значительно. Рядом с этими курсами—стоят курсы по историографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, как археология, этнография, мизматика, геральдика, палеография и папирология, дипломатика, сфрагистика, хронология, взятая с точки зрения интересов науки русской истории и построенные на материале русских исторических источников. Конечно, число и этих курсов и может и должно быть значительно. Оporою ко всем этим курсам должны быть соответствующие им практические занятия, число которых тоже должно быть значительно, чтобы интересы слушателей были надлежаще удовлетворены. О правильной постановке преподавания русской истории в русских университетах может идти речь, конечно, только в случае удовлетворения всех этих desiderata. Конечно, все вышесказанное потребует значительного увеличения числа преподавателей русской истории в русских университетах, но ведь нельзя же все-таки отрицать того, что число их ныне до крайности незначительно и что положение преподавания науки русской истории в значительной мере именно потому далеко отстоит от того, чего требуют интересы и науки, и дела преподавания и учащихся. А раз так, должны быть, конечно, приняты все меры к увеличению числа университетских преподавателей русской истории. Тогда в расширенном плане преподавания русской истории, соответственно с которым должно быть, конечно налажено преподавание всеобщей истории (проблема установления связи меж ними должна быть обсуждена особо), найдет себе место и широкая постановка преподавания исторической географии России. Конечно, эта широкая постановка преподавания исторической географии России предполагает и сосредоточение его в руках особого преподавателя, надлежаще к нему подготовленного, прошедшего скажем, отделение исторической географии в географическом институте или на географическом факультете университета. Но сейчас таких надлежаще подготовленных специалистов по исторической географии России нет. Мне представляется, что пока—до той поры, как подготовка будет налажена—преподавание исторической географии России может быть обслужено преподавателями русской истории вообще преподавательским персоналом гуманитарных факультетов и затем и факультета физико-математического. В самом деле, преподаватель русской истории, читающий определенный отдел курса русской истории, часто может прочесть и соответственный отдел курса исторической географии России. Если же вопросы исторической гео-

ографии от него слишком далеки, его всегда сможет заменить преподаватель, читающий один из соседних отделов курса русской истории. Вероятно, тот из преподавателей русской истории, который читает первые отделы курсов по истории России и русской исторической географии, сможет прочесть и „Введение в историческую географию России“, своею третьею частью примыкающее к первому отделу курсов. Для прочтения специальных курсов и ведения практических занятий, преследующих целью ознакомление слушателей с приемами исследований в области восстановления прошлого природы, возможно и желательно приглашение соответствующих специалистов с физико-математического факультета. В недрах же самих гуманитарных факультетов легко могут быть найдены специалисты, которых было бы можно использовать для некоторых специальных курсов по исторической географии—напр., археологи, классики, византологи, медиовисты, слависты, лингвисты, финнологи, востоковеды, экономисты, этнографы. В самом деле археолог мог бы прочесть специальный курс по данным преимущественно вещественных памятников—напр., по древнейшим культурам и вообще по до-русским культурам Восточной Европы, а перед классиками открывается обширная нива курсов по греческим и римским писателям, как источникам по до-русской истории и географии Восточной Европы,—также нива и перед византологами по поздним греческим писателям, уже затрагивающим и русское время; перед теми и другими и третьими возможность курсов по греческим колониям юга Восточной Европы; медиовисты, слависты могли бы затронуть некоторые близкие им темы по ранней истории страны и ее народов и взаимоотношения ее народов в эти далекие времена, а в частности по истории славянской и германской колонизации в эти-же и более поздние времена; для лингвиста открывается широкое поле преподавания по вопросам культурных влияний и образования народностей; а экономисты и этнографы могут построить курсы один по историко-экономической, а другой историко-этнографической географии. Все перечисленное — лишь примеры, но и даже примерами не стану пояснять сразу, думается, понятную долю участия в постановке преподавания исторической географии России финнологов и востоковедов разных специальностей. Так, как мне представляется, силами преподавателей русской истории, силами вообще преподавателей гуманитарных факультетов и отчасти физико-математического факультета может быть обслужено преподавание исторической географии России в университете. Но, может быть, и теперь было бы желательно создать особую должность преподавателя русской исторической географии, чтобы самая постановка преподавания имела свой центр. Конечно, лицо, которое эту должность займет, должно иметь надлежащую к ней подготовку и между прочим, гораздо большия, чем это бывает обычно, познания по естественным наукам.

Перечисленные выше сего курсы и практические занятия по исторической географии России дают студенту-специалисту по русской истории возможность широкого выбора. Степень его личной заинтересованности определит количество и состав выбираемого на основе некоторого *minimum'a*, речь о котором уже выше была. Мне бы казалось, однако, желательным предоставление студентам, интересы которых лежат близко к области исторической географии России, права заменять один из специальных курсов по русской истории спе-

пиальным курсом по исторической географии России. Остальное должен сделать и сделает свободный интерес.

Что же касается испытаний по исторической географии России, то я бы полагал возможным и даже желательным тяжесть их перенести на практические занятия. Представление студентом устного или письменного доклада по тому или другому более или менее общему вопросу исторической географии России, как мне кажется, в полной мере или хотя бы частично возмещает сдачу испытания по ней и, следовательно, влечет за собою полное или в значительной степени от нея освобождение. Думается, что студент от такого „возмещения“ не только ничего не потеряет, но даже выиграет—самостоятельность в работе. При таких условиях была бы, конечно, значительная польза от одновременного или последовательного прохождения курса и соответствующих ему практических занятий.

Возвращаясь к тому, с чего я начинал эту свою работу, хочу сказать, что и „Введение в историческую географию России“ и „Отделы“ ее общего курса и отчасти даже специальные курсы по исторической географии, в том понимании и ее преподавания ее, которое выше устанавливал, подчеркнут перед слушателями, раскрывая им обстановку и условия, в которых протекал русский исторический процесс, т. е. его „исторический пейзаж“, органичность русского исторического процесса и самое по себе и в отношении того процесса, который шел в жизни русской природы, и в иных отношениях и т. о. углубят идею органичности исторического процесса. В самом деле, изучение обстановки и условий, в которых протекал русский исторический процесс, не может не усиливать и не углублять идеи его органичности. Ведь, когда эта обстановка и условия будут изучены, многое, что до сего казалось случайным, в смысле не обусловленности данными или ходом внутреннего развития, окажется не случайным и внутренне обусловленным. С другой стороны, в числе этих обстановки и условий, в которых русский исторический процесс протекал, вероятно, виднейшее место занимает русская природа. Она—думается, это можно сказать—обусловила собою многие стороны этого процесса, изучение которого поэтому отдельно от нее невозможно. Но и носитель русского исторического процесса „русский народ (во всем очень условном и сложном смысле этого выражения)“ обуславливал собою его состояния. Размах его хозяйственной деятельности и других сторон и явлений его жизни был грандиозен и во многих местах изменял состояния природы, какими они до этого размаха были. Но меняя состояния природы, он менял обстановку и условия своей жизни и деятельности или отвлеченно, того исторического процесса, носителем которого он был и есть и который в тех им изменяемых обстановке и условиях течет. Курсы по исторической географии России и с этой стороны подчеркнут идею органичности исторического процесса человечества и его ветвей. Думается также, что эти курсы по исторической географии России, а из них особенно специальные, и рядом с последними практические занятия, расширят значительно круг наблюдений студента над применением методов исследования исторических источников с точки зрения их интерпретации и критики, а также методов построения исторических фактов. Я в частности обращаю внимание на последнее—на расширение круга наблюдений над методами построения исторических фактов: исторические факты, изучаемые исторической географией, все носят некоторый специфический, им, если не исключительно, то по преимуществу присущий

примыкают географичности,—они все—факты историко-географические. Поэтому методы их построения—по существу одни с методами построения иных исторических фактов—имеют свои особенности, знание которых для историка важно и обязательно. Таким образом общие результаты занятий исторической географией России в университете приведут студента-историка к углублению и расширению в освоении тех общих задач, которые стоят перед преподаванием истории в университете. Что же касается специальных результатов, то они ясны из неоднократных упоминаний выше сего.

Так представляется мне желательной постановка преподавания исторической географии России в русских университетах. Конечно, она станет вполне осуществимой лишь тогда, когда наладится надлежащая подготовка специалистов по ней. Но и до той поры, как мне представляется, силами специалистов по русской истории и примыкающих к ней и даже от нея далеких наук многое в этой области может быть сделано. Не надо отчаиваться тем, что для очей обширного поля сейчас еще очень мало делателей. Нельзя, конечно, не учитывать этого несоответствия делателей полю, но, учитывая это, надо не отчаиваться, а стараться увеличить число делателей и для этого хоть и с малыми, явно недостаточными силами—приступить к большому делу и начать в русских университетах возвращать и лечить культуру исторической географии нашей великой родины. Этим путем станем спланировать воедино тех, кто есть за работою из близких и далеких по основной специальности, а, внедряя завоевания и идеи исторической географии в сознание учащейся молодежи, приготовим новых хотя бы немногих числом и не вполне надлежаще подготовленных работников в этой области. Тогда утолщится тонкий слой ее работников, которые еще, быть может, все долго будут не вполне надлежаще подготовлены. Других вполне надлежаще подготовленных работников даст исторической географии России только специальное отделение географического института или географического факультета университета. Отсюда вторая задача тех, кому ясна важность исторической географии России для занятий в области русской истории,—добиваться вместе с русскими географами открытия соответственного института или факультета с отделением исторической географии. В целях широты постановки дела особенно было бы желательно, как представляется мне, второе решение: образование в составе русских университетов особого географического факультета со специальным отделением исторической географии. Тогда дело подготовки работников в области исторической географии вообще—и России в частности и особенно—стало бы на вполне прочную почву. Но повторяю, как бы скоро ни наступил этот вожделенный день или вернее, как бы скоро ни было можно ждать его наступления, откладывая дело возвращения культуры исторической географии России в русских университетах нельзя.

Однако, кроме студентов Университета историков-специалистов по русской истории в правильной постановке преподавания исторической географии России заинтересованы, конечно, еще студенты Института Народного Образования. Здесь она могла бы преподаваться (и в Саратовском ИНО преподается) на социально-историческом цикле гуманитарного отделения III отдела (для подготовки преподавателей II ступени Единой Трудовой Школы). Конечно, ее преподавание здесь в соответствии с самыми целями Института Народного Образования не нуждается в такой широкой, как в Универси-

татах постановке. Думается, что в Институтах Народного Образования было бы совершенно достаточно провести во время среднего четырехлетнего пребывания в нем студента „Введение в историческую географию России“, „четыре отдела“ ее общего курса с сопровождающими их практическими занятиями, отсекая специальные курсы или по крайней мере иначе их строя и меньше вводя,—скажем, 2 курса типа: „Сложение государственной территории России“ или „История колонизации в России“. Те очень специальные курсы, которые я, между прочим, мыслил, говоря о специальных курсах по исторической географии России для Университетов, едва ли действительно нужны в Институтах Народного Образования, сложная и своеобразная программа которых не дает студентам специализироваться в какой либо более узкой области. Конечно, если бы потребность в них ощутилась, они ad hoc могли бы быть введены. Но мыслить их в плане преподавания исторической географии России я не считал бы возможным. Из тех 5 курсов—„Введение“ и 4 „Отдела“, которые, как мне представляется, обязательно должны были бы читаться и в Институтах Народного Образования, один курс—предпочтительно „Введение“—мог бы и должен быть обязателен к слушанию. Остальное, как и в Университете, должен сделать свободный интерес. Как и там, я и здесь не вижу нужды в обязательности практических занятий, но полагаю, что прохождение их могло бы быть рекомендовано и в сочетании с курсом, которому они соответствуют (я, как и в Университете, мыслю их 5 групп), они могли бы давать основание к зачету по предмету. Думаю, что, как и в Университете, один из специальных курсов по русской истории мог бы быть заменен специальным курсом по исторической географии, ежели таковые будут, или даже ее отделом. Думается, что и при такой постановке преподавания исторической географии России в Институтах Народного Образования, идея органичности исторического процесса все же получит некоторое подкрепление, а приемы исторического исследования будут продемонстрированы и в специальном отделе исследований историко-географических. Думается, что и специально-педагогические интересы слушателей будут соблюдены и в постоянных курсах по исторической географии России найдут себе новый материал и новые отправные точки зрения. Так я представляю себе постановку преподавания исторической географии России в Институтах Народного Образования.

Конечно, в правильной постановке преподавания русской исторической географии заинтересованы еще и русские Археологические Институты. Я не буду, однако, подробно касаться вопроса о постановке преподавания в них русской исторической географии, ибо не в достаточной мере осведомлен о том, как в настоящее время строится в них преподавание. Те беглые сведения, которыми я располагаю для одного лишь Петроградского Археологического Института, явным образом недостаточны. Во всяком случае в них преподавание исторической географии России должно занять очень видное место. Это явствует из той тесной связи, которая существует между археологией и поглощающей ее историей. Действительно, как ни мыслить археологию, она часть исторической науки. В обычном т. ск. ее понимании она входит в состав источниковедения; когда она выходит за пределы этого обычного понимания, она вступает в поле собственно исторических исследований,—так, когда она приступает к разысканиям в области этнографии или географии или хозяйства древ-

ности; когда, наконец, она, переименовывая себя в историю материальной культуры, стремится обосновать свое независимое от истории положение, она в сущности выступает только, как одна ее ветвь, тесно связанная с другими ее ветвями—и всего прежде с историей хозяйства (в смысле промышленности и торговли) и с исторической географией. Одним словом, как это мне представляется совершенно убедительным, археология, в каком бы смысле это слово ни было употреблено, есть часть истории. Это обосновывает необходимость преподавания русской исторической географии в археологических институтах, по крайней мере на их археологическом отделении. Думается, что целостный круг курсов и занятий по исторической географии России, о котором я говорил в приложении к университетам, в основе своей мог бы быть принят и для археологических отделений археологических институтов. Конечно, в них специальные курсы должны будут получить большее развитие, чем в университетах: напр., должны появиться особые курсы по исторической этнографии, а количество „отделов“ общего курса, как мне представляется, должно увеличиться одним — „исторической географией территории русского государства в до-русское время“, что разгрузит „Введение в историческую географию России“, в котором для университета предположен материал этого курса и в которое зато будет можно ввести по такому выделении новый материал по использованию данных археологии при историко-географических разысканиях. Думается, что количество обязательных к слушанию часов в Археологических Институтах могло бы быть в соответствии с их специальными и столь к исторической географии близкими задачами повышено до 8: 1) „Введение“, 2-3) „Отделы“ общего курса: а) 1 и в) любой по выбору или два по выбору, 4) специальный курс по исторической этнографии. Таким образом материал курсов по археологии лег бы на прочную почву историко-географических знаний. Выбираемый или выбираемые „Отделы“ этого перечня—по личной склонности студента. Все остальное — дело свободного интереса. Что же касается практических занятий и сдачи зачетов, то они мыслятся мною и здесь, как в Университете. Не зная нынешнего строя преподавания в археологических институтах, не решаюсь вдаваться в подробности и приходить к твердым выводам.

Преподавание исторической географии мыслимо и на других отделениях Археологических Институтов, но я ничего не знаю о том, как устроено ныне на них преподавание. Историческая география России может преподаваться также на географическом цикле III отд. Институтов Народного Образования, как это и имеет место в Саратовском Институте Народного Образования. Я не буду, однако, касаться вопроса о постановке там преподавания исторической географии России, ибо там преподавание русской истории и истории вообще не имеет самостоятельного значения. Мыслимо оно и в ряде других учебных заведений, но я не касаюсь их, ибо в них русская история и вообще история также не являются самостоятельным предметом преподавания.

Весна 1920.

С. ЧЕРНОВ.